

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ К САЛТЫКОВУ

Предисловие Д. Заславского

Публикация Н. Яковлева

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН О ЧИТАТЕЛЕ

Салтыков-Щедрин писал Анненкову в августе 1875 г.:

«Знаете ли, я начинаю думать, что моими писаниями никто не интересуется, и что «Отеч. Записок», несмотря на 8 тыс. подписчиков, никто не читает. Т. е. читает какой-то странный читатель, который ни о сочувствии, ни об негодовании заявить не может. Это вопрос очень интересный, кто теперешний русский читатель? Во всяком случае, он читает в одиночку... ни с кем не делаясь своими впечатлениями. Это штука почти безнадежная, и на старости лет тяжело ее переживать».

Конечно это очень интересный вопрос, что представлял собой читатель «Отечественных Записок» середины 70-х годов. В ответе на этот вопрос пожалуй не затруднился бы любой журналист-народник из числа ближайших сотрудников «Отечественных Записок». Кто читатель? Да это ясно. Читатель «Отечественных Записок» 1875 г. это — в терминологии того времени — передовая русская интеллигенция, народническая интеллигенция, «социалистическая» интеллигенция. Читатель «Отечественных Записок» — это критически мыслящая личность, представитель того активного меньшинства, той именно общественной силы, на которую русская история возложила задачу освободить трудящихся от власти помещичье-дворянского абсолютизма, освободить от власти капитала, а также попутно и от всякого ига государственности. В терминологии нашего времени читатели «Отечественных Записок» — это представители радикально-демократической буржуазной интеллигенции, левым крылом которой были революционные народнические организации.

Но то, что ясно было, скажем, Н. К. Михайловскому, совершенно повидимому не ясно было Салтыкову-Щедрину. «Отечественные Записки» в 1875 г. были в расцвете своего литературно-политического влияния, а политическая жизнь в России была в это время на подъеме, и хотя за год перед этим потерпел поражение первый серьезный страд народнической молодежи, двинувшийся на завоевание для революции всего крестьянства, но неудача «хождения в народ» не повлекла за собой общей депрессии. Она вызвала лишь критический пересмотр прежних народнических путей и поиски нового пути для революции.

Русское буржуазное общество выдвинуло в это время из своей среды многочисленную разночинную молодежь, которая более или менее искренне отдавала себя на служение народу, в некоторой части была охвачена и подлинным революционным энтузиазмом, верила в социалистическую крестьянскую общину и в «Отечественных Записках» искала и находила философское, социологическое и историческое обоснование своей веры. На руководителей «Отечественных Записок» народническая молодежь смотрела как на своих учителей, хотя и знала, что сами руководители — не революционеры. «Народная Воля» впоследствии писала об «Отечественных Записках», уже закрытых, что это был особо «любимый публикой» журнал. У нас есть и многочисленные свидетельства современников о том, что передовая революционная молодежь

70-х годов с нетерпением ожидала выхода очередной книжки «Отечественных Записок» и часто читала журнал коллективно, в кружках.

И все-таки Салтыков-Щедрин, один из редакторов журнала, спрашивает в некотором недоумении, кто же он, читатель «Отечественных Записок»? И указывает на отсутствие постоянной, организованной связи между читательской массой и виднейшими писателями. В отсутствии организованности он видит и отличительную черту читателя 70-х годов. Этот читатель, по мнению Салтыкова-Щедрина, «читает в одиночку». Во всяком случае он не делится своими впечатлениями с писателем, и писатель чувствует свое одиночество, особо тягостное в старости.

* * *

Так писал Салтыков-Щедрин в 1875 г., когда «Отечественные Записки» пользовались несомненным и большим успехом, когда журналу еще не угрожала непосредственная опасность прекращения, когда и радикально-демократическая интеллигенция еще была очень далека от падения и маразма последующего десятилетия. Несмотря на весь блеск и шум народничества 70-х годов, Салтыков-Щедрин относился к народнической интеллигенции с некоторым недоверием. Оно кажется тогда как будто еще ничем неоправданным. В желчной тираде Салтыкова-Щедрина легко прочесть его личные пессимистические настроения. Им можно противопоставить беглое его замечание о читателе в другом письме к тому же Анненкову в октябре 1880 г. Он пишет: «К счастью, читатель в последнее время меня полюбил. Помнит, что хорошо сказалось, и снисходит (забывает), что сказалось слабо или темно. Но помнит только потому, что я сам беспрестанно напоминаю о себе: иначе он бы меня забыл».

Оставим в стороне вопрос, почему «в последнее время», к 1880 г., отношение читателя к Салтыкову-Щедрину как бы изменилось. Это «последнее время» совпадает и с поворотом в самом народничестве, с победой в народничестве политического течения — народолюбия. Но и тут благоприятный отзыв о читателе ослаблен критическим замечанием. Салтыков-Щедрин не доверяет своему читателю. Нет постоянных и прочных нитей, которые связывали бы писателя и читателя. А это значит, что не чувствует Салтыков-Щедрин себя своим среди народнической интеллигенции 70-х годов. Эта интеллигенция, по признанию самого Салтыкова-Щедрина, любит его, относится к нему снисходительно, но есть взаимный холодок в их отношениях. И он ей как будто чужой, и она ему не совсем родная.

Мы видим таким образом, что вопрос о том, кто читатель «Отечественных Записок» — это действительно «очень интересный вопрос». Он выходит за рамки обычной постановки вопроса о читателе и писателе. Это часть общего и важнейшего вопроса об отношении Салтыкова-Щедрина к народническому движению 70—80-х годов. Писатель спрашивал, кто читатель. Но и читатель того времени спрашивал, кто писатель. Обе стороны искали ответа, и ответ повидимому не удовлетворял ни одну, ни другую сторону.

* * *

Интересуясь современным русским читателем, Салтыков-Щедрин не делал его основной темой для своей сатиры вплоть до 1884 г., когда «Отечественные Записки» были прихлопнуты в порядке общей расправы с революционным движением. Такова была официальная мотивировка закрытия журнала. Чуть ли не первой мыслью Салтыкова-Щедрина была мысль о читателе, и он снова встал перед писателем в виде просительного знака. Кто он, читатель?

Журнал был закрыт 20 апреля 1884 г., а 3 мая Салтыков-Щедрин писал Анненкову: «Прежде, бывало, живот у меня заболит, — с разных сторон телеграммы шлют: живите на радость нам! а нынче вон, с божьей помощью, какой поворот! — и хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие... Обидно следующее: человека со связанными руками бьют, а пошехонцы разиня рот смотрят и думают: однако, как же его и не бить! ведь он — вот какой!»

«Получил от добровольцев несколько соболезновательных писем — немного, но и то под псевдонимами», писал Салтыков-Щедрин Анненкову 26 мая.

В письме Боровиковскому 17 мая Салтыков-Щедрин жаловался: «...покуда чувствую только повсеместную боль. Чувствую также, что я лишен возможности периодически беседовать с читателем, и эта боль всего сильнее... Только и любил одно, это полу-отвлеченное существо, которое зовется читателем. И вот с ним-то меня разлучили».

Эту же мысль повторяет Салтыков-Щедрин в письме к Михайловскому 29 июня: «...с тех пор как у меня душу запечатали, нет ни охоты, ни повода работать. Вся суть заключалась в непрерываемом общении с читателем. Для русского литературного деятеля это, покамест, единственная подстрекающая сила».

Через месяц он повторяет в письме к тому же Михайловскому: «Провидение послало мне ужасную старость. Я на свете любил только одну особу — читателя — и его теперь у меня отняли».

Повидимому Михайловский выразил и свое мнение о читателе, нам неизвестное, и Салтыков-Щедрин как бы отвечал на сделанное ему возражение в письме 11 августа: «О читателе скажу вам, что хотя я страстно его люблю, но это не мешает мне понимать, что он великий подлец».

Ни один из великих русских писателей не отзывался с такой любовью о читателе, как Салтыков-Щедрин, ни для кого читатель не был такой жизненной необходимостью, — и вместе с тем Салтыков-Щедрин об этом своем читателе даже в минуту любовных признаний говорил со всей критической резкостью. Странный это был и тяжелый роман писателя — с народнической русской интеллигенцией.

* * *

Горьким мыслям своим об одиночестве писателя и о читателе Салтыков-Щедрин дал выражение в известных очерках «Приключение с Крамольниковым» и «Имярек». Это было решительное объяснение с читателем, — объяснение, в котором писатель говорил за обе стороны.

Первый очерк Салтыков-Щедрин назвал «Элегией-сказкой» и включил в серию сказок. Но в серии очерк выделяется особым своим характером. Это действительно своеобразная сатирическая элегия, мы находим в ней те же интимные признания, которыми Салтыков-Щедрин делился со своими друзьями в письмах. «Крамольников был коренной пошехонский литератор, у которого не было никакой иной привязанности, кроме читателя, никакой иной радости, кроме общения с читателем... В этой привязанности к отвлеченной личности было что-то исключительное, до болезненности страстное». Так повторяет в очерке Салтыков-Щедрин почти дословно уже приведенные выдержки из писем. И дальше очерк раскрывает отношения между писателем и читателем в тяжкую для первого минуту. Читатель-обыватель, читатель-либерал отвернулся и предал писателя. Но не к этому читателю и обращался Салтыков-Щедрин, не от него ожидал участия и поддержки. Для этого читателя у Салтыкова были только сатирические образы и клички. «Там и сям раздавалось развязное гуденье. То было гуденье либералов, недавних друзей его. Одних он обгонял, другие шли навстречу. Но — увы! — никакого оттенка участия не виделось на их лицах. Напротив, на них уже успела лечь тень отступничества».

«Хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие!» формулировал это свое отношение к либералам Салтыков-Щедрин и в интимном письме. С либералами у Салтыкова были свои давние счеты, и для романа с ними никакого места не оставалось. Говоря о читателях-либералах, Салтыков-Щедрин характеризовал в метких сатирических образах повальное предательство буржуазной интеллигенции после 1 марта. Страх перед революцией заставлял эту интеллигенцию и в Салтыкове-Щедрине видеть опасного человека, чуть ли не революционера. Близость к Салтыкову пугала, от него отреклись теперь и в либеральной литературе, и в быту. Но это всего меньше могло доставлять ему самому мучительные минуты, и если именно в это время особенно часто подвергается под его перо выразительное слово «оброшен-

ность», выпавшее из современного литературного словаря, то уж конечно не потому, что бросили его в трудную минуту представители либеральной литературы и общественности.

Это состояние оброшенности с поразительной силой выражено в очерке «Имярек». Это небольшое произведение Салтыкова-Щедрина достаточно хорошо известно, и напомнить надо только несколько строк. Имярек — «писатель по природе», писатель, в каждой строке которого «звучало убеждение... но убеждение это, привлекая к нему симпатии одних, в то же время возбуждало ненависть в других. Симпатии утопали в глубинах читательских масс, не подавая о себе голоса, а ненависть металась воочию, громко провозглашая о себе и посылая навстречу угрозы. Около ненависти группировалась и обычная апатия среднего человека, который не умеет ни любить, ни ненавидеть, а поступает с таким расчетом, чтобы в его жизнь не вкралось недоумение или неудобство. Такое сомнительное содержание жизни Имярека должно было дать и соответственные результаты. А именно: в смысле общественного влияния — полная неизвестность; в смысле личной жизни — оброшенность, пренебрежение, почти поругание».

Краски несколько сгущены в этом очерке, если принимать его полностью за автобиографию. Но в действительности это совсем не автобиография, хотя в основе очерка лежат мотивы из жизни Салтыкова-Щедрина и говорит он в значительной мере и о себе. Здесь дан потрясающей силы очерк общественных настроений реакции 80-х годов, и образ Имярека — это в такой же мере образ Салтыкова-Щедрина, как и вообще всего, что было связано в лицах с революционным подъемом конца 70-х годов. «Оброшенной» оказалась революция. «Оброшенными» оказались народовольцы. «Оброшена» была вся радикально-демократическая литература, и на смену ей полезла из реакционных щелей проповедь смирения, малых дел, личного самоуглубления, культурного крохоборства и т. д. Левое, революционное крыло народничества было разбито и истекало кровью. Торжествовало правое, смыкавшееся с буржуазным либерализмом.

Какое участие принимала в этом общем бегстве буржуазной народнической интеллигенции от революции читательская аудитория «Отечественных Записок»? Ответить на этот вопрос в точных цифрах невозможно. Но кое-какие цифры существуют. Салтыков-Щедрин с горечью отмечал в письмах к Михайловскому все увеличивающееся падение тиража «Отечественных Записок» после «первого марта». Вокруг еще так недавно «любимого публикой» журнала образовывалась пустота. Но выразительнее, чем цифры тиража, говорило явно ощущаемое писателем состояние оброшенности. Читатель уходил, а тот, который оставался, замыкался в молчании. Закрытие журнала не вызвало никакого заметного движения в публике. Политическая свирепая реакция отбила у буржуазной интеллигентной молодежи всякую способность к коллективному протесту.

Однако нельзя сказать, что именно в эту трудную минуту перед Салтыковым-Щедриным и открылось подлинное лицо читателя «Отечественных Записок», его неустойчивость, политическая дряблость, неспособность оказать своему журналу действительную поддержку, а если поддержка так опасна, то по крайней мере свое участие. Вспомним, что и в 1875 г. Салтыков-Щедрин относился к читателю с недоверием, что уже и тогда он открывал в читателе своего журнала черты распыленности, неорганизованности, неумения и нежелания окружить журнал, литературу атмосферой дружеского, товарищеского содействия.

Но Салтыков-Щедрин знал и то, что может ответить часть читателей «Отечественных Записок» в свое оправдание, и знал, что это оправдание читателя есть обвинение по адресу писателя.

«Внутренний голос» говорил Крамольникову: «Твой труд был бесплоден... Ты протестовал, но не указал ни того, что нужно делать, ни того, как люди шли вглубь и погибали, а ты слал им вслед свое сочувствие. Но это было пленное раздражение мысли, — раздражение, положим, доброе, но все-таки только раздражение».

Так формулировал Салтыков-Щедрин обвинение, которое, как мы знаем, и в действительности предъявляла Салтыкову-Щедрину часть читателей вслед за некоторыми писателями. Салтыков-Щедрин не отводил этого обвинения. Он признавал, напротив, что свою писательскую обреченность он с особой остротой почувствовал только после того, как был закрыт его журнал. Он не почувствовал с такой же остротой обреченности всего революционного движения, растоптанного царизмом в союзе с остервеневшими помещиками и впавшей в панику буржуазией. Салтыков-Щедрин относился с недоверием к читательской аудитории «Отечественных Записок», но и часть этой аудитории, как-раз наиболее ценная, наиболее решительная, имела основание относиться с холодком к писателю. Революционная народническая интеллигенция высоко ценила и уважала Салтыкова-Щедрина. Но она не считала его своим писателем. Он критически смотрел на то, что в представлении революционного народничества не подлежало никакой критике. Он не разделял веры в социалистическую общину и в социалистическую революцию крестьянства. В нем крепко жил старый шестидесятник с такими представлениями о буржуазной демократии, которые никак не мирились с народническими представлениями о возвышенной миссии исконных русских общинных начал. Он не был революционером, и среди революционных народников были такие, которые причисляли его к буржуазным либералам.

* * *

Очерки «Приключение с Крамольниковым» и «Имярек» расшевелили читателя. «Пошла писать»... русская буржуазная интеллигенция 80-х годов. До нас дошла лишь небольшая часть того потока писем, который излился на Салтыкова-Щедрина. В количественном отношении читатель, мы бы сказали теперь, «выполнил норму», может быть даже «перевыполнил». Вряд ли другой выдающийся русский писатель получал столько писем от читателя.

Салтыков-Щедрин получал конечно немало писем и до своих очерков о читателе, но очень много было среди этих писем такого обывательского вздора, который мог лишь шевелить сатирическую желчь писателя. Ученица консерватории Людмила Г. писала, — едва ли не на бумаге розового цвета: «Ваше последнее «Письмо к тетеньке», милый, бесценный, незабвенный Щедрин, привело меня в бешеный восторг. Все ваши письма читаются мной с увлечением. Но апрельское письмо произвело на меня особое впечатление. Я не в силах не выразить любви к вашим статьям. Простите фамильярность одной из учениц консерватории». Ветеринарный врач Кравцов, рассыпаясь в комплиментах, просил дать автограф в альбом великих людей, давно и тщательно подбираемый... Читатель Белявский, выражая свое искреннее сочувствие, советовал натираться какой-то мазью против ревматизма. Все это были, согласно позднейшей терминологии самого Щедрина, читатели-простецы, и к ним Щедрин относился с насмешкой, не всегда добродушной.

Признаком хорошего либерального, даже демократического тона у буржуазной молодежи того времени было: напившись в ресторане по случаю какой-нибудь годовщины, рассылать свободолобивые телеграммы по всяким адресам. Салтыков-Щедрин принадлежал к числу таких адресатов, и окончившие курс студенты-медики выпуска 1885 г. «пьют здоровье Щедрина» и просят при этом непременно ответить им в газете, чтобы прославить молодых либеральных врачей. Щедрин не отвечал. В 1889 г. пришла в квартиру тяжело больного писателя такая, кабацким духом пропитанная телеграмма: «Москва. Большинство учащейся и учащей молодежи шлет свой привет в день Татьяны. Петровский ресторан».

Были, напротив, и очень трезвенные письма, послания и телеграммы. От них веяло тем именно прокисшим духом либеральной русской провинции, с которым сатирик неустанно воевал всю свою жизнь. «Семейно-драматический кружок» в Шиграх спешил порадовать писателя тем, что избрал его своим почетным членом, а самарская городская дума просила выслать ей портрет писателя, чтобы повесить его в «зале Александра II» среди портретов министров и других деятелей «прошедшего царствования».

Такое либеральное постановление городская дума вынесла в 1882 г., когда еще тлели последние искры либерализма 70-х годов, а вскоре эти же либералы в других местах спешно выносили и прятали портреты и бюсты Салтыкова-Щедрина.

Все эти корреспонденты Салтыкова-Щедрина были и его читателями. И сатирик, беспощадно сдиравший маски в своих произведениях, не мог не видеть, что пишут ему, любят его, выражают свое сочувствие им же в сатирах осмеянные герои.

Но были и другие письма. Говорил и другой читатель, более серьезный, более вдумчивый. Приходили коллективные адреса и обращения от студенческой молодежи различных университетских городов — от студентов Московского университета, Новороссийского, Казанского, Ново-Александровского института, Горного института в Петербурге, от гласных Тверского земства, числившегося тогда в ряду наиболее передовых и либеральных, от редакций провинциальных газет, от кружков читателей в разных городах... Салтыков-Щедрин не мог пожаловаться на то, что он совсем «оброшен». Во всех этих письмах и обращениях выражалась теплая, сердечная любовь. Читатель хором уверял писателя, что он совсем не одинок, что он окружен самым горячим вниманием, что от него ждут новых статей, новых сказок, сатирических очерков, что он нужен читателю теперь еще больше, чем прежде. Среди современников Салтыкова-Щедрина ни один конечно не мог бы собрать такой коллекции читательских писем. Это говорит в достаточной мере о популярности Салтыкова-Щедрина. И для суждения о том, кто современный русский читатель и кто в частности читатель «Отечественных Записок» и Салтыкова-Щедрина, писатель имел перед собой богатый материал.

В нашем распоряжении сейчас лишь небольшая уцелевшая часть архива Салтыкова-Щедрина, но и оставшихся писем достаточно, чтобы наглядно представить себе лицо читателя, наиболее связанного с «Отечественными Записками». Это — буржуазная интеллигенция. Это в большинстве врачи, педагоги, земские деятели всякого рода — и гласные, и «третий элемент», — это студенты. Очень слабо представлен ученый мир и отсутствует мир технический. Точно также полностью отсутствует капиталистическая буржуазия и крупная адвокатура. Читатели Салтыкова-Щедрина и «Отечественных Записок» — это представители наиболее демократических свободных профессий, именно та социальная среда, которая носила радикально-демократическую окраску. О прочности этой окраски свидетельствует то, что среди молодежи, чествовавшей Салтыкова-Щедрина, выражавшей ему свое сочувствие, немало студентов технических институтов, будущих инженеров, но совсем нет уже действующих инженеров. Под студенческими адресами сотни подписей, в подавляющем большинстве своем все это совсем неизвестные имена, но можно ли сомневаться в том, что большинство этой пылкой молодежи быстро остывало по окончании университета на теплых чиновничьих и всяких иных местах?

Все это та именно буржуазная интеллигенция, которая с поразительной быстротой проделывала свое превращение в «чеховских интеллигентов», с радикальными увлечениями в прошлом, с мещанским, трезвенным отношением к текущей жизни, с болятым прозябанием в провинциальной тине, с выпивками и закусками, с взятками и погоней за гонораром, с приспособлением к развивающемуся капитализму. Радикализм линял не по дням, а по часам. Оставалась сладенькая либеральная фраза. Оставалось от всей свободолюбивости 70-х годов только традиционное пьянство в Татьянин день, когда и околоточные надзиратели снисходительно относились к бушующему русскому интеллигенту, ниспровергающему мир из-под скатерти ресторанного стола.

Те, кто писал Салтыкову-Щедрину, принадлежали к лучшим среди этой линяющей народнической интеллигенции. В их письмах поражает та либеральная расплывчатость, та «гуманистическая» словесная дребедень, которая сменила несравненно более выразительный язык народничества 70-х годов. В письмах читателя — сплошь «жалкие слова». Их нисколько не украшает либеральный пафос, и когда студенты Новороссийского университета преподносили сатирику в виде утешения: «Стой, солнце над Гафоном и луна над долиной Апалаонской», то они давали лишь материал для сатирического яда.

Художник И. Н. Крамской, написавший известный портрет Салтыкова-Щедрина, пришел в восхищение от сказки «Карась-идеалист». В письме к Салтыкову он рассказывался в восторженных словах: «Никогда еще мне на столь малом пространстве не давали современные писатели так много содержания и такого глубокого интереса; мало того: это до такой степени высокохудожественно, что я не могу притти в себя от удивления!» Чем не «читатель-друг»? Но под прикрытием восторженных слов художник-либерал, поддерживавший дружеские отношения одновременно и с Л. Н. Толстым, и с нововременцем Сувориным, строго упрекал сатирика за беспощадное разоблачение фальшивого, слюнявого идеализма, за осмеяние толстовщины, за сдирание маски с прекраснодушных либералов-гуманистов, которые своей словесностью только облегчали «шухе» ее реакционную расправу с людьми бесстрашной мысли и отважной борьбы. (Письмо Крамского печатается в предыдущей публикации, см. стр. 383).

Среди писем, полученных Салтыковым-Щедриным, два обращают на себя особое внимание. Это наиболее пространные и наиболее деловитые письма. Они дают очень отчетливое представление о настроениях передовой буржуазной молодежи того времени. Одно письмо написано Платоном Платоновичем Смиренко, другое Николаем Николаевичем Луженковским.

П. П. Смиренко — это родной брат Льва Платоновича Смиренко, который тогда находился в ссылке как участник народовольческой организации на юге России. Семья Смиренко известна в истории украинского общественного движения. Старшее поколение этой богатой семьи сахарозаводчиков играло видную роль в буржуазном украинофильстве. На Городищенском сахарном заводе гостил Тарас Шевченко и пребывали виднейшие представители украинской либеральной буржуазии. Но на этом же заводе опорную базу устраивали и виднейшие представители революционного народничества, и породнилась семья богатейших украинских капиталистов с самим Желябовым.

П. П. Смиренко по возрасту принадлежал к младшему поколению. Конечно он был читателем «Отечественных Записок», был поклонником Салтыкова-Щедрина, относился вероятно с сочувствием к деятельности своего брата. Но в письме своем этот молодой человек призывает Салтыкова-Щедрина возглавить авторитетным именем своим поворот народнической интеллигенции от революции к «легальному служению» своему народу. Как-раз, тогда, когда в своих сказках Салтыков-Щедрин высмеивал либеральное приспособленчество к реакции, высмеивал либеральную вялую волю, карась-идеалиста, бросал крылатое свое слово о «приспособлении к подлости», — молодой и восторженный почитатель предлагал Салтыкову согласиться с тем, что «лучше паллиатив, чем ничего». И об этом же писал другой молодой и не менее восторженный читатель — Н. Н. Луженковский. Вот какое признание делал он, делал, думая порадовать этим Салтыкова-Щедрина: «Теперь народился новый тип читателя, правда, не особенно многочисленный, но которому предстоит все разрастаться: это люди, родившиеся в конце 50-х годов, начале и первой половине 60-х годов. Они далеки от розовой благодушности и сытого квиетизма «отцов сороковых годов», но и не так близоруко запальчивы, не так стремительны, но и вовсе не заморожено-холодны, как можно полагать из противоположения их людям героям и не героям нашего Штурм унд Дранг'а. Эти люди — будущие работники эволюционной науки и практической техники двадцатого столетия. Среди молодежи попадаются такие трезвенные натуры, дети купцов, крестьян, мещан, мелких чиновников. Между ними много эгоистов, они кажутся холодноватыми на вид, при знакомстве скучноватыми, но в дружбе и в деле они тверды и стойки. Между ними вы — важный и чтимый писатель».

Устами этого еще наивного молодого человека говорил с Салтыковым-Щедриным сам торжествующий победу над революцией капитал. Он выбрасывал за борт как негодную ветошь и дорогие Салтыкову-Щедрину идеалы утопического социализма, и революционное народничество 70-х годов. На место всего этого выдвигалась «эволюционная наука и практическая техника». Нельзя было яснее формулировать программу и запросы почувствовавшей свой час капиталистической буржуазии. Ее молодой представитель снисходительно поучал Салтыкова-Щедрина, что требуется от него теперь всего

больше «художество» и описание старины, а неуместна «журналистика», «публицистика». Мы знаем, что именно на этой точке зрения стояла и вся либерально-буржуазная критика. Она не могла простить Салтыкову-Щедрину его «публицистику», потому что эта сатирическая публицистика всего большее была именно по либерализму.

Таков был читатель «Отечественных Записок», — по крайней мере тот читатель, который оказался всего ближе к Салтыкову в последние дни его литературной деятельности, который поспешил с выражением своего сочувствия, со своей моральной поддержкой.

Не откликнулся, не подал вести о себе тот читатель «Отечественных Записок», который несомненно относился с уважением к Салтыкову-Щедрину, но от имени которого Салтыков-Щедрин ставил вопрос об отношении и журнала и его собственном к революционному движению — к народолюбчеству. Правда, журнал «Народная Воля» откликнулся статьей на закрытие «Отечественных Записок», но в этой статье всего больше осмеивалось царское правительство за то, что в легальном журнале усмотрело «очаг революции», и думало запрещением журнала искоренить революцию. «Народная Воля» заявляла уверенно, что революционное движение существует, как и прежде, и основная сила его, революционная интеллигенция, представляет грозную величину, которая покажет себя в новых выступлениях. Эту статью в «Народной Воле» писал Н. К. Михайловский, и статья была защитой коренной позиции народничества. Михайловский требовал веры в интеллигенцию как движущую силу революции. На этой вере стоял в общем журнал «Отечественные Записки». Но этой веры несколько не разделял Салтыков-Щедрин. Многочисленные письма читателей его не убедили.

* * *

Ворох читательских писем давал конечно Салтыкову-Щедрину богатый материал для суждения о читателе в дополнение к тем впечатлениям, которых достаточно накопилось у писателя за десятилетия его литературной работы. Некоторые письма трогали Салтыкова-Щедрина своей искренней теплотой, своей сердечностью. Михайловский вспоминает о таком эпизоде: «Очерк Имярек произвел в свое время сильное впечатление как личная исповедь знаменитого автора. Он получил много писем. Одно из них пришло в моем присутствии, и Салтыков, жалуясь на слабость зрения, просил меня прочитать его. Я никогда не забуду этой сцены: слушая письмо, Салтыков, по обыкновению, ворчал и в то же время плакал... Автор письма называл его «святým стариком», доказывал, что не крохи и мелочи у него в прошлом, что не одинок он и не может быть одинок... Письмо было хорошее, звучало искренностью... Корреспондент был настоящий «читатель-друг», общение с которым Салтыков, как мы видели, считал драгоценным для каждого убежденного писателя...»

Михайловский, вопреки обету своему «не забывать», кое-что успел забыть. Письмо о котором он говорит, было написано не в связи с «Имяреком», а с «Приключением с Крамольниковым». Письмо так и начиналось: «Крамольников, ты спрашиваешь...» Некто Семенов из Самары обращался к Салтыкову-Щедрину в возвышенном стиле, при этом на «ты». Но дело не в небольшой неточности Михайловского, а в его оценке писем подобного рода. Этот Семенов был, по мнению Михайловского, «настоящий читатель-друг». Поистине не требователен был идейный вождь народничества! Его удовлетворяли общие расплывчатые фразы в патетическом воззвании российского интеллигента. Салтыков-Щедрин был тронут теплотой письма. Но оно не заставило его изменить взгляд на читателя «Отечественных Записок» — другими словами, на интеллигента 70—80-х годов.

В 1887 г. Салтыков-Щедрин напечатал в «Русских Ведомостях» свои очерки «Читатель». В них обобщены те мысли, которые давно накапливались у писателя. Читателя Салтыков-Щедрин делил на четыре основные категории: читатель-ненавистник, «солидный читатель, читатель-простец и читатель-друг. Первым трем категориям посвящены довольно пространственные очерки, и на характеристике их здесь нет нужды останавливаться. Читатель-ненавистник — это вся масса помещичье-дворянской и буржуазно-

капиталистической реакции; солидный читатель — это умеренный либерал; читатель-простец — обывательская вобла, мелкобуржуазная, мелкочиновничья интеллигенция, ищущая в газетах всего больше материал для сплетен. Характеристика читателя была и характеристикой журналистики своего времени, в особенности быстро распоясавшейся буржуазной газеты.

Интереснее всего четвертая категория: читатель-друг. Но о ней Салтыков-Щедрин в первоначальном варианте написал всего несколько строк, как бы обрывая характеристику свою на полуслове в виду явной ее нецензурности. Вот что написал Салтыков-Щедрин о читателе-друге:

«Я уже сказал выше, что читатель-друг несомненно существует. Доказательство этому представляет уже то, что органы убежденной литературы не окончательно захудали. Но читатель этот заробел, затерялся в толпе, и дознаться, где он именно находится, довольно трудно. Бывают однако ж минуты, когда он внезапно открывается, и непосредственное общение с ним делается возможным. Такие минуты — самые счастливые, которые испытывает писатель на трудном пути своем.

К этому мне ничего не остается прибавить. Разве одно: подобно убежденному писателю, и читатель-друг подвергается ампутациям со стороны ненавистников, ежели не успевает сохранить свое инкогнито».

На этом первоначально и обрывался весь очерк о читателе-друге. Ясно, что под этим именем Салтыков-Щедрин разумел не просто читателя, который пишет восторженные письма своему писателю и выражает чувства соболезнования, а такого читателя, который и сам подвергается опасности «ампутации», то-есть свои чувства выражает действенно.

Однако поставив точку, Салтыков-Щедрин на этом не успокоился. Пред ним были письма многочисленных читателей, которые хором уверяли, что не одинок писатель, что все они тут, живы, любят, приветствуют, пьют здоровье, что их очень много, они учатся и готовятся к практической технике и эволюционной науке, стремятся к «легальному служению народу» и очень жалеют, что «Отечественные Записки» закрыты правительством. И в догонку уже посланной в «Русские Ведомости» рукописи Салтыков-Щедрин послал еще несколько строк, которыми как бы отвечал на все полученные им письма от читателей и почитателей.

«Виноват: еще одно слово. В последнее время я довольно часто получаю заявления, в которых выражается упрек за то, что я сомневаюсь в наличии читателя-друга и в его сочувственном отношении к убежденной литературе. По этому поводу я считаю долгом оговориться: ни в наличии читателя-друга, ни в его сочувствии я не сомневаюсь, а утверждаю только, что не существует непосредственного общения между читателем и писателем. Покуда мнения читателя-друга не будут приниматься в расчет на весах общественного сознания с той же обязательностью, как и мнения прочих читательских категорий, до тех пор вопрос об удрученном положении убежденного писателя останется открытым».

Так остался упрямый писатель на той же своей позиции, которую занимал и в 1875 г. На любовное признание читателя он отвечал сурово и прямо: вы, читатели, может быть и очень хорошие люди, но вы не общественная сила, вы покуда — пыль человеческая, неспособная к такой организации и к такой борьбе, которая сделала бы вас величиной, по своему влиянию на общественное сознание равной читателю-ненавистнику и солидному читателю. Нельзя было сказать яснее, что Салтыков-Щедрин не признает за буржуазной интеллигенцией, что бы она ни говорила о себе, движущей силы общественного развития. У Салтыкова-Щедрина не было тех иллюзий, которыми питалась народническая интеллигенция. Это давало ему возможность критически относиться к читателю, то-есть к интеллигенции своего времени. И он отмечал ее «робость», ее слабость, ее несамостоятельность, признавая звание подлинного читателя-друга лишь за теми, кто готов отстаять свои читательские симпатии в борьбе и кто поэтому подвергается, как и писатель, «ампутации» — преследованиям со стороны правительства, читателя-ненавистника и солидного читателя.

И поэтому читательские пожелания нисколько не изменили взгляда Салтыкова-Щедрина на его «оброшенность». Он продолжал остро ощущать свое одиночество. Зажатие «Отечественных Записок» лишь углубило то состояние, о котором Салтыков-Щедрин писал в 1875 г. По существу вопрос состоял тут не в том, что Салтыков-Щедрин лишился своей читательской аудитории, а в том, что он по-настоящему не имел ее и раньше. Между народнической интеллигенцией 70-х годов и Салтыковым-Щедриным была если и не пропасть, то все же ощутительное расхождение, и оно должно было еще увеличиться после того, как быстро облиняли краски радикализма на этой народнической интеллигенции и она стала на ходу освобождаться и от утопического социализма, и от революционного демократизма, превращаясь в обыкновенных буржуазных либералов. Лишь небольшая часть этой народнической интеллигенции оставалась верна прошлому своему, при чем некоторые и критически пересматривали это прошлое не в направлении к буржуазному либерализму, а в направлении к пролетарскому научному социализму, к марксизму. На историческую сцену выходил новый читатель-друг, совсем иного классового происхождения, с иными совсем требованиями к литературе и с иным совсем отношением к своему писателю. Только этот читатель и мог образовать ту организованную серьезную общественную силу, в организованном общении с которой и писатель никогда не был бы обречен на «оброшенность». Как раз в те годы, когда Салтыков-Щедрин так критически оценивал способности и роль буржуазной интеллигенции, с развенчанием ее выступил от имени группы «Освобождение труда» бывший народник Плеханов.

* * *

«Читатель-друг», о котором мечтал Салтыков-Щедрин, был утопией 70—80-х годов. Одиночество Салтыкова-Щедрина не было случайностью. Оно обуславливалось историческим классовым положением обеих сторон — и писателя и читателя.

Буржуазная интеллигенция, даже в эпоху своего народнического радикализма, не могла создать прочную, организованную опору для передовой литературы своего времени. Она никогда не была и не могла быть самостоятельной силой. Она выдвинула из своей среды небольшую группу активного революционного меньшинства, отважных борцов за трудящихся, но этому меньшинству, левому, революционному крылу народничества, Салтыков-Щедрин был лишь близкий и уважаемый сосед. Он не был «своим». Он свободен был и от многих народнических предрассудков.

Со своей стороны, оставаясь в значительной мере на старых позициях радикально-демократического просветительства, Салтыков-Щедрин придавал литературе такое значение, какого она не могла иметь. «Паче всего любю родную литературу и звание литератора предпочитаю всякому другому», завещал Салтыков-Щедрин своему сыну, и этого же своего сына, еще ребенка, он записал в члены Литературного фонда, как записывали в дворянскую старину ребят в гвардию. Почему звание литератора должно быть выше звания ученого, звания профессионального революционера? В этом сказывался просветительский идеализм Салтыкова-Щедрина. Вознося литературу так высоко над землей, Салтыков-Щедрин отрывал ее от всей земной, практической действительности. Это было также источник неизбежной «оброшенности». Литература не связывалась непосредственно с борьбой.

И то единение «читателя-друга» с «убежденным писателем», к которому так мучительно, но и так безнадежно стремился Салтыков-Щедрин, могло осуществиться лишь в тех исторических и классовых условиях, которые были созданы пролетариатом в его революционной борьбе за власть и после захвата власти в России, в борьбе за осуществление социализма. В большевистской печати создавалось прочное и организованное общение читателя-друга с писателем, а в Советском союзе широко организованное общение пролетарской художественной литературы с читателями приняло самые разнообразные формы. На читательских конференциях писатель встречается с непосредственным и живым откликом читательской аудитории. И не может быть состояния «оброшенности» у пролетарского писателя, идущего в ногу со своим классом.

Д. Заславский

1

ЛЮДМИЛА Г.

30 апреля 1882 г. Петербург.

Ваше последнее «письмо к тетеньке» милый, бесценный, незабвенный Щедрин, привело меня в бешеный восторг. Все Ваши письма читаются мною с увлечением. Но апрельское письмо произвело на меня особенное впечатление. Я не в силах не выразить своей любви к Вашим статьям. Простите фамильярность одной из учениц консерватории.

Людм. Г. . . . .

2

А. М. ТРЕСКОВ

[Н. К. Михайловскому]

5 октября 1882 г. Тюмень.

Г. Михайловский!

Денег нет, а желание иметь Ваши сочинения — большое. Бывши еще на свободе, я собирался выписать их, но никак не мог сбиться деньгами. Сидя в тюрьме (9-й м-ц) нельзя достать дельных книг, тем более, что и в городе (Тюмени) их нет, а если и есть какие, то давно прочитаны. Не знаю, найдете ли Вы все это достаточной причиной, чтобы удовлетворить мое желание, но я, по крайней мере, писал с верой, что отказа не будет.

Хотел еще просить М. Е. Салтыкова, чтобы он пожертвовал некоторые из своих последних изданий, да нашел это роскошью; а роскошь должна являться, когда удовлетворены более насущные требования, и одним из этих требований в данном случае является приобретение Ваших сочинений.

Политический подсудимый А. Тресков

Мой адрес: г. Тюмень. Алексею Михайл. Трескову.

3

ЧИТАТЕЛЬ

Посылаемая мною российская Magna Charta Libertatum попалась мне конечно поздно по отношению ко времени ее появления и действия. Не знаю, была ли она в свое время опубликована в печати, но на месте (в Ялте) узнаю, что ее приказано было срывать после расклейки, потому видно, что даже стены краснели от нее.

[Городское] Полицейское Управление нарочито требовало ее назад от домохозяев, догадливые из которых не отдали и сохраняют как образец подвигов «благонамеренной» крамолы. Авось оно Вам пригодится в характеристиках доблестных ее авторов.

Срывать ее распорядился сам князь Дондуков-Корсаков, приехав как-то в Ялту и увидев ее на стенах города.

Глубокоуважающий Вас
Ваш читатель

Ялта, 16 дек. 82 г.

4

П. В. АЛАБИН

25 декабря 1882 г. Самара.

Милостивый Государь
Михаил Евграфович!

По поручению Самарской Городской Думы позволяю себе беспокоить Ваше Превосходительство всепокорнейшею просьбою удостоить присылкою

своего фотографического портрета, снабдив его несколькими собственноручно начертанными словами, для помещения его в Зале Императора Александра II, в среде изображений тех деятелей прошедшего царствования, которые своими талантами, трудами и доблестями послужили созданию одной из блистательнейших страниц Отечественной истории.

С отличным уважением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства Всепокорным Слугою Петр Алабин.
Заведующий названным «Залом».

5

МЕДИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Телеграмма

Петербург. Редакция «Отечественных Записок». Щедрину.

Москва. 7 мая 1883 г.

Окончившие курс медики Московского Университета выпуска 1883 г. пьют за здоровье Щедрина. Курс просит ответа. Передайте Ваш ответ в газетах всем, если можно в лице представителя курса Пашковского.

6

СОВЕТ СТАРШИН СЕМЕЙНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО КРУЖКА В ЦИГРАХ

13 октября [1883 г.]. Щигры.

Милостивый государь

Михаил Евграфович!

12 октября сего года в день чествования памяти И. С. Тургенева общее собрание Семейно-драматического кружка в г. Щиграх, при котором устроена общественная библиотека и читальня, единогласно выразило желание иметь Вас, милостивый государь, своим почетным членом, а потому Совет старшин, исполняя поручение общего собрания, препровождает Вам, милостивый государь, почетный билет кружка и по поручению общего собрания просит Вас сделать честь кружку не отказаться принять это звание. Устав Общества при сем прилагается.

Старшины — Шварцель, В. Смирнов, Н. Леонтьев,
В. Голубков, Т. Хоржицкий

7

Г. А. КРАВЦОВ

22 ноября 1883 г. С.-Петербург.

Милостивый государь,

искренне и глубоко уважаемый Михаил Евграфович!

Постоянный читатель Ваших литературных произведений и восторженный поклонник Вашего таланта, я от души желал бы иметь Ваш автограф для помещения его в моем альбоме с другими автографами дорогих мне людей. К сожалению всех почитателей Ваших, видеть Вас где-либо весьма трудно, а фотография Ваша не вполне еще удовлетворяет мое страстное желание — иметь более реальное напоминание о личности Вашей. Не осудите моей горячей почтительнейшей просьбы и не откажите ей. Этим Вы премного обяжете человека, умеющего ценить Ваше «трезвенное», правдивое, честное и смелое слово.

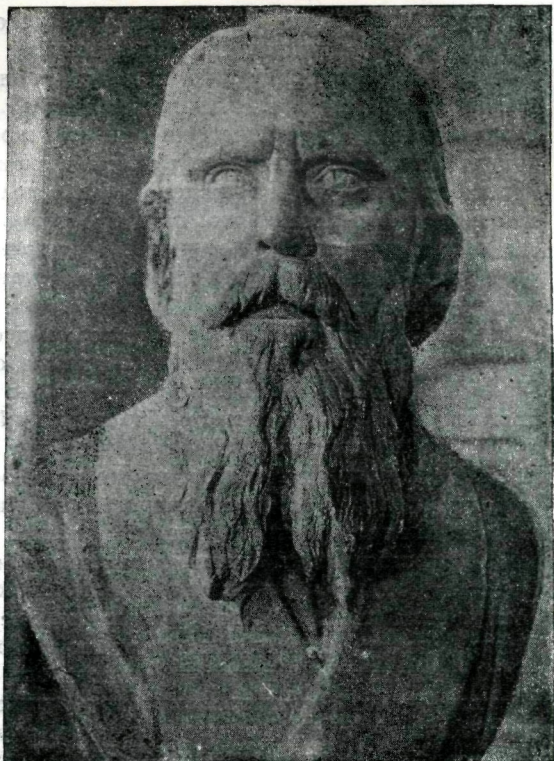
Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности Вашего покорного слуги.

Г. Кравцов

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ШЕДРИН)
Бюст работы П. Забелло, 1878 г.

Бюст по изготовлении был поставлен в Тверском Промышленном музее, но в 1884 г. местное начальство распорядилось его оттуда убрать

Краеведческий Музей, г. Калинин

8

Г. З. и Е. А. ЕЛИСЕЕВЫ

Телеграмма

Ptg. Liteinaya 62 Saltikoff

Литейная 62. Салтыкову из Rom (Рима) 8 ноября 1883 г.

Vive longtemps gloire patrie hommes et femmes

Eliseyeff Wendt

9

П. П. СИМИРЕНКО

23 апреля 1885 г. Воронцово-городище, Фастовской ж. д.

Глубокоуважаемый Михаил Евграфович!

Мне нечего говорить Вам об оскудении умственных и общественных интересов, об повальной апатии или торжествующем хищничестве в современном культурном обществе. Это всем известно и сделалось уже общим местом. Хотя среди нашей интеллигенции и есть еще много людей добра и идеи, но эти люди попрятались по своим обывательским нормам и позорно трепещут в настоящее время. Они только плачутся да ругают себя и других; реального же активного дела в пользу народа что-то не видно. Нет резону сваливать все на внешние условия: мы сами во многом очень виноваты, по своей тряпичности и гражданской лени. Нам не следует ждать, пока наступят лучшие времена, а сами мы должны создать эти лучшие времена. Запад Европы показывает нам, что можно сделать энергическое и настойчивое общество. Мы должны стряхнуть свою апатию, должны поработать над своим политическим развитием, а не ждать улучшения от улучшения внутренней

политики. Возлагать все на внешние условия могут только политические лентяи, но не уважающие себя граждане.

Итак, надобно приступить к делу, не ожидая, пока наступят более благоприятные «веяния». Кабинетный культ идеала деморализует человека, развивает в нем политическую непрактичность, эгоизм и бессердечное теоретизирование. Чтобы воспитать из себя гражданина, надобно не только граждански мыслить, но и граждански дело делать. А дела теперь масса, и притом дела чисто легального. Надобно только организовать разрозненные силы наших искренних народников, умудренных опытом 60-х и 70-х годов, чтоб употребить не медленн о эти организованные силы в пользу народной трудящейся массы.

Народ нуждается в земле, в артельных формах производства, в школе, в толковых книгах, в прояснении сознания светом гуманной западноевропейской мысли и т. п. Все это общие места, но до сих пор наши народники мало прилагали искренних и настойчивых усилий, чтобы поработать хоть в пользу одного из этих общих мест. Я не буду входить в практические подробности организации и программы деятельности русских народников: выработать это должны люди жизни, а не кабинета.

По всей вероятности народникам удастся заручиться санкцией закона, т. е. если общества будут вполне легальными и благонамеренными.

Что же касается денежных средств, то каждый искренний народник обязан уделить на подобное дело не жалкие гроши, а значительную толику своих доходов. Я убежден, что у нас в России множество маленьких Христов, готовых пылко и сердечно отдать все свои силы и средства для счастья и духовного совершенствования трудящихся масс. Но подобное дело нуждается в инициаторах, а кто может быть у нас таким инициатором, как не влиятельный литературный деятель? Печатное слово — единственная арена в России, где можно нравственно воздействовать на массу вполне легальным путем.

Чувствую, что выражаюсь туманно, общими местами; но я не могу писать иначе, так как не способен, по своей практической неопытности, начертать в своем уме ясной, детальной и удобоисполнимой программы, как жить современному порядочному человеку, чтоб и самому нравственно не сгнить, да и помочь хоть отчасти оплакиваемым в кабинетах нищете и невежеству.

Мы ожидаем подобной программы от видных народников-практиков...

Одно только скажу: подло и позорно жить так, как живем мы теперь. Хныкаем мы все, ругаем всех и вся, но не решаемся приступить к чему-нибудь реальному, не решаемся доказать на деле, что мы — народники сердца, а не головы. Моя мечта — самая скромная: легальное служение народу, не откладывая этого в долгий ящик, на почве стройной организации.

Паллиатив даже лучше, чем ничего, так как подобный паллиатив не даст нам заснуть идейно.

Не в кабинете, а среди житейской прозы выработаем мы в себе самоотречение, гражданскую зрелость и политическую настойчивость. Развивая и поддерживая в своей душе благородный жар добра и идеала, мы явимся вполне подготовленными, когда придет чреда русским порядочным людям в историческом строительстве.

Напишите мне пожалуйста, как смотрите Вы на этот вопрос и что посоветуете мне и моим сверстникам 70-х годов? Не возьмете ли Вы на себя инициативу в этом деле, или не порекомендуете ли Вы по крайней мере какого-нибудь видного практика-народника. Как смотрите Вы на значение и осуществимость организации сил наших народников в настоящий момент русской истории и т. п.

Искренно уважающий Вас П л а т о н С и м и р е н к о

Из боязни, что Вы не разберете моего почерка, я прибег к помощи переписчика. Необходимость, а не небрежность заставила меня сделать это.

Мой адрес: Фастовская ж. д. Станция Воронцово-Городище, Млеевский сахарный завод. Платону Платоновичу Симиренко.

10

В. А. БЕЛЯЕВСКИЙ

6 ноября 1885 г., ст. Шептуново, В.-Р. ж. д.
Области Войска Донского.

Милостивый государь Михаил Евграфович!

Узнавши из газет о состоянии Вашего здоровья и скорбя со всеми русскими людьми о расстройстве его, я позволяю себе сказать Вам несколько слов, быть может весьма для Вас не бесполезных.

Полагаю, что причина Вашей болезни заключается в нервном истощении и вследствие долгого и усиленного умственного напряжения в связи быть может с какими-либо душевными потрясениями. Чрезмерная впечатлительность, нервная слабость с раздражительностью, плохое пищеварение, гипохондрическое, пессимистическое и вообще мрачное настроение духа — вот симптомы, которые присущи той болезни, которую я у Вас предполагаю.

Если предположение мое верно, то для того, чтобы ознакомиться Вам самому и близким Вам людям с состоянием Вашего здоровья и с общими правилами лечения Вашей болезни, рекомендую Вам приобрести недавно вышедшее сочинение Крафт Эбинга: «Наш Нервный Век», изд. Каспари, 1885 г., из которого (последняя глава) можно видеть, что Вам нужно предпринять для своего выздоровления.

При этом скажу Вам, что лучшая, удовлетворяющая последнему слову науки водолечебница-пансион находится в 60 верстах от Варшавы, фамилию врача не помню.

Как ближайшие средства против вышеупомянутого нервного истощения рекомендую (сверх указанного Крафт Эбингом) следующее:

1. Обливание головы водой комнатной температуры два-три раза в день в течение $1\frac{1}{2}$ минуты.

2. Обтирание всего тела мокрой (комнатной температуры) простыней 1—2 раза в день, по указанию врача.

3. Глубокое вдыхание с усиленным выдыханием в один сеанс по шести раз. В день же делать тоже 5—6 таких сеансов.

4. Комната должна быть постоянно вентилируема, а температура не должна превышать 14° .

5. Никаких слабительных внутрь не принимать, а для регулирования отправления желудка исключительно прибегать к промывательным из воды комнатной (но не теплой) температуры.

6. Всякой умственной работы, в форме даже серьезной беседы, по возможности избегать; как развлечение рекомендую безденежную или грошовую карточную игру.

7. На пользу от аптечных средств почти не рассчитывать, а иметь в виду, что душевный покой и время лучшие целители такого рода недуга.

8. Для исправления пищеварения рекомендую принимать два раза в день во время еды по столовой ложке зерен французской горчицы Дидье, не разжевывая.

Все вышеизложенные средства я рекомендую Вам из моих практических наблюдений и полагаю, что применение их принесет несомненную пользу.

Примите уверения в искреннем моем желании быть Вам полезным.

Влад. Аполлонов. Беляевский

11

А. ГОБЯТО

7 ноября 1885 г. Москва.

Высокоуважаемый Михаил Евграфович!

Если мы не выражали Вам общее горе по случаю Вашей болезни, то как смолчу и не выскажу, как велика радость с известием о Вашем выздоровлении. Не утомляйте себя, но укрепляйте здоровье ради всех Вас почитающих и любящих.

Теперь позволяю себе просить Вас передать мой поклон и привет уважаемой жене Вашей, если не забыли всегда и прежде

искренне Вам преданную
Антонину Гобято

12

ТВЕРСКИЕ ПОЧИТАТЕЛИ

Телеграмма

Петербург. Литейная, 68. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Тверь. 8/XI 1885.

Почитатели Вашего таланта и Вашей общественно-литературной деятельности приветствуют Вас и радуются, что восстановление Ваших сил дает надежду вновь услышать Ваш мощный голос, призывающий общество к правде на благо родины.

Павел Бакунин, Наталья и Мария Бакунины, Алексей Врасский, Сергей де Роберти, Алексей Апостолов, Василий Покровский, Екатерина Покровская, Александр Юрлов, Иван, Михаил, Анастасия и Любовь Петрункевичи, Николай, Вера Павловы, Николай Шуенинов, Александра Шуенинова и Екатерина Гермези, Надежда Дьяконова, Фома Десятовский, Надежда Мордвинова, Николай и Антонина Рождественские, Александр Дьяков, Михаил Литвинов, Яков Вошакин, Димитрий Рихтер, Федор Бартелинг, Владимир Яковенко, Александр Стромилов, Федор Светушков.

13

СТУДЕНТЫ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ

Телеграмма

Литейная, д. № 60 Скребицкого. М. С. Салтыкову.

Птб. 8/XI 1885.

Шлем нашему дорогому, любимому и глубоко уважаемому писателю наше общее искреннее приветствие и горячие пожелания скорейшего выздоровления для дальнейшего служения делу правды.

Студенты-медики

14

СТУДЕНТЫ ГОРНОГО ИНСТИТУТА

Телеграмма

Литейная, 64, кв. 4. М. Е. Салтыкову.

Птб. 8/XI 1885.

Студенты Горного Института приносят, многоуважаемый Михаил Евграфович, искреннее поздравление с днем Вашего ангела, изъявляя при этом

глубокое сожаление по поводу постигшего Вас недуга, препятствующего Вашей плодотворной и славной деятельности на поприще отечественной литературы.

Студенты Горного Института

15

СТУДЕНТЫ Н.-АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ИНСТИТУТА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Ново-Александрия, Люблинской губернии

14 ноября 1885 г.

Искренне уважаемый
Михаил Евграфович!

Мы, студенты Ново-Александрийского Института Сельского Хозяйства и Лесоводства, просим принять от нас поздравление с днем Вашего ангела и уверение, что мы до глубины души тронуты плохим состоянием Вашего здоровья, дорогого как для нас, так и для всей читающей молодежи.

Примите также извинение за несвоевременность нашего поздравления по независящим от нас обстоятельствам.

Глубокоуважающие Вас и признательные Вам студенты:

В. Крачковский, Быков, Бербенко, Майдель, Володин, Добровольский, Дрижаченко, Князевич, Кузьмин, Завитневич, Даничевич, Кунгуров, М. Петрищев, И. Лавренко, В. Сергеев, С. Калитаев, Альберти, С. Семизоров, Ник. Гановский, Ал. Склибин, Дульветов, Коморовский, А. Варг (нрзб.), Веселовский, Вл. Гол (нрзб.), А. Леонович, Австов, В. Клок, Седелский, Кулагин (?), А. Серебряков, Н. Бул (нрзб.), А. Цехмистренко, Кононенко, Н. Скворцов, М. Бич, Николаев, Турбин, Ходов, Розовский, Сорокин, Москаленко, Поляков, Захарченко, Рапп, Смышляев, Козин, Мочала, Гостинцев, Чижиков, Федоров, Горлов, Персеин, Рукав (нрзб.), Три (нрзб.), Кезель, Тор (нрзб.), Гох (нрзб.), Волков, Бычковский, Мейштович, Вадзицкий, Нискевич, Широков, Педашенко, Устенко, Бычков, Новицкий, Липинский, Никольский, Балудо, Гречина, Боровский, Головнев, Скржинский, Сидоровский, Пеньков, Зайцев, Линкевич, Миклашевский, Кузьмин, Кантовский, Семенов, Зарембо, Гриенко, Щербаковский, Пиотровский, Антон Пиотровский, Валентин Архангельский, Борисенко, Танатар, Авс. Косарев, Афанасьев, Веревкин, Крамаренко, Гомалицкий, Плотников (?), Булгаков (нрзб.), Свешников, Козлов, Дульветов, Тру (нрзб.).

16

СТУДЕНТЫ КАЗАНСКОГО ВЕТЕРИНАРНОГО ИНСТИТУТА

Телеграмма

Птб. Михаилу Евграфовичу Салтыкову-Щедрину

Казань, 30/XI 1885.

С чувством искреннего сожаления относясь к Вашей болезни, Михаил Евграфович, от души желаем Вам скорого выздоровления.

Студенты Казанского Ветеринарного
Института

17

Н. РЕЙМЕР, И. ФРИДМАН, И. АРОН

Спб. 21 ноября [1885 г.]

Многоуважаемый Михаил Евграфович!

С чувством глубокой скорби узнали мы, что Вы, наш знаменитый сатирик, опять захворали, опять должны на время (надеемся, короткое) оставить выстраданным смехом бичевать порок. Будьте же здоровы, великий сатирик и друг человечности, в утешение Вас уважающих и на страх врагам.

Студент-медик Н. Реймер, И. Фридман, И. Арон

18

ЧИТАТЕЛИ ПОЛТАВЫ

11 декабря 1885 г. Полтава.

Милостивый государь

Михаил Евграфович!

Чувство беспредельной радости, вызванное известием о поправлении Вашего здоровья, сменившееся глубокое горе в виду угрожавшей Вам опасности, вызывает нас выразить Вам наше счастье в надежде еще долго внимать Вашему голосу.

Мы, как и вся Россия, знаем цену этому голосу. Под суровой и неумолимой формой сатиры мы научились слушать звуки любви и страдания. Вашим творениям, как голосу совести, каждый из нас глубоко обязан отрезвлением, пробуждением и охранением нравственных и общественных идеалов.

Вашим презренным клеветникам не обмануть Россию, им не запугать ее страхом Ваших отрицаний: чем шире, полнее разовьется сознание мыслящей России, тем ярче будет блистать Ваше имя и связанное с ним представление о Вашем гении и тем дороже оно станет гордящейся Вами России.

Алексей Зеленский, председ. Полт. Губ. Земск. Управы, Елизавета Милорадович, Александр Дылевский, Иван Булюбаш, Мария Стефанович, рожденная Хрулева, И. Д. Стефанович, Ф. Веселовский, А. Богаевский, П. Старицкий, И. Анисимов, Д. Симонов, Оголевец, Н. Кулябко-Корецкий, Л. Хитрово, В. Василенко, Л. Поклонский, врач Ал. Волкенштейн, врач Николай Фойницкий, Колесников, член Полт. Губ. Зем. Управы, инж. Г. П. Луту (гин?), Виктор Старицкий, Н. Терешков, Ефим Фисин

19

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЕ ПОЧИТАТЕЛИ

Телеграмма

Пбг. Редакция Вестника Европы. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Новгород-Северский. 13/XII 1885.

С сердечной радостью и великой благодарностью Богу и докторам узнали мы, что Ваше здоровье поправляется. Примите наш привет и желание скорого и полного выздоровления.

Искренние почитатели Вашего великого таланта: Садовские, Черногорова, Парфеновский, Беркут, Альференко, Правосуд, Турченко, Шмеман, Белова

Ново-Александринскаго
университета 14 Но-
ября 1885 года

У
Искренно уважительн
Михаилъ Евграфовичъ

Мы, студенты Ново-Александрин-
скаго Института Сельскаго хозяй-
ства и Лѣсоводства, просимъ при-
нять отъ насъ поздравленіе съ днемъ
Вашего Ангела и увѣреніе, что мы
до глубины души тронуты плохимъ
состояніемъ Вашего здоровья доро-
го, какъ для насъ, такъ и для всей
читающей молодежи
Примите также извиненіе за

несвоевременность нашего поздравле-
ния по независящим от нас обстоя-
тельствам.

Глубоко уважающие Вас и призва-
тельные Ваши студенты:

В. Краковский

Бонин

Березинко

Миллер

Волынский

Добровольский

Григоренко

Киселев

Кузнецов

Завирицкий

Рашетин

Климов

М. Темрингу
И. Лавренко.
В. Сердобе.
С. Калитин.

А. В. В. В.
А. В. В. В.

И. С. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

В. В. В. В.

20

РЕДАКЦИЯ «ВОЛЖСКОГО ВЕСТНИКА»

Телеграмма

Пбг. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Казань. 16/XII 1885.

Редакция Волжского Вестника выражает искреннюю радость (по) поводу Вашего выздоровления, приветствует Вас лучшего русского писателя, гражданина.

Редактор Загоскин все сотрудники

21

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОЧИТАТЕЛИ

Телеграмма

Литейная, 68. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Спб. 15/I 1886.

Поздравляем Вас (с) днем рождения, желаем, чтобы Вы еще долгие, долгие годы доставляли всем русским людям горькое наслаждение Вашими бесподобными творениями.

Почитатели Вашего таланта: Евгения Шмидт, Мария Прокофьева, Петр Борисов, Николай Прокофьев, Эразм Загорский.

22

СЛУШАТЕЛЬНИЦЫ ЖЕНСКИХ ВРАЧЕБНЫХ КУРСОВ

[Около 15 января 1886 г.]

Многоуважаемый

Михаил Евграфович!

Позвольте и нам, присоединяясь к голосу всей России, выразить в день Вашего рождения наше сердечное желание еще многие и долгие годы слышать слова «правды» любимого учителя русского молодого поколения.

Слушательницы женских Врачебных Курсов: В. Гамбурцева, Евг. Уланова, Н. Костомарова, Р. Брагинская, М. Эльцин, З. Рожкова, М. Кауфман, П. Селезнева, В. Аронова, М. Коп, Р. Гальперин, Ю. Егелева, Попова, О. Петина, В. Троцкая, А. Гаркави, Л. Петрович, М. Кранц, П. Катель, женщина врач Жевелева, Ф. Лисянская, А. Мишкина, А. Кисель, С. Курманалеева, В. Гуковская, О. Каминская, С. Садовин, М. Боскресенская, Малавко-Висоцкая, Попова, М. Кружковская, В. Трутовская, Ю. Квятковская, А. Трубникова, О. Рожановская, О. Симкина, А. Халабаева, С. Фишман, М. Гейнц, О. Остоловская, Н. Малкина, Ю. Гельд, Д. Жидкова, И. Никольская, З. Чернышева, Роза Равич, М. Рашковин, Э. Трегубова, Р. Рохлина, С. Гольберг, Е. Ольхина, Р. Рапп, А. Дружинина-Косс, М. Красильникова, А. Петрова, Т. Вейкова, А. Данилова, В. Воскобойникова, С. Савицкая, С. Клейф, А. Шнее, Л. Будницкая, А. Вскрюкова, А. Безак, А. Островская, А. Метлицкая, Д. Вашилова, Р. Блох, В. Немирская, Ю. Бойко, Б. Лоренц, В. Тумаркина, А. Мышкина, М. Сакер.

С. Мысловская, М. Прокофьева, М. Каган, Э. Михайловская, М. Диевская, С. Панкратова-Ерещенко, М. Ханутина, А. Балабанова, О. Валлер, О. Нейвдель, С. Лунц, А. Шапиро.

23

С ЮБИЛЕЯ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

Телеграмма

Пбг. Литейная, 62. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Москва [16 января, 1886 г.]

Собравшиеся в числе ста человек для чествования юбилея Плещеева шлют сердечный привет Вам, великому писателю Русской земли, и свое горячее пожелание снова услышать живые слова учителя.

Распорядители обеда: Юрьев, Чупров, Лукин, Муромцев, Гольцов, Пругавин.

Телеграмма не была отправлена вчера, чтобы не беспокоить ночью.

24

А. СЕМЕНОВ

16 сентября 1886 г. Самара.

Крамольников!

Ты спрашиваешь, адресуясь к самому себе: что тебе предстоит теперь, когда тебя со всех сторон обступила старость и т. д.

Беру на себя радостную обязанность дать тебе ответ на этот горький вопрос. Незабвенный, дорогой Михаил Евграфович, — тебе предстоит бесконечная благодарность, горячая любовь той молодежи, в которой ты воспитал любовь к правде и ненависть к лицемерному мраку. Святой старик, не унывай! Ты уже много совершил на пользу своего ближнего; ты уже воспитал вместе с другими лучшими людьми нашего времени своими сверстниками потомство молодежи, которой каждое твое слово дорого и родно, твое слово не умрет вечно, а твои труды не будут бесплодными. Будь бодр, не унывай и ободряй нас: ты наша отрада, ты слава и гордость пошехонской страны, а мы, пошехонцы, не все еще изумились и ослобенели...

Александр Семенов

25

А. В. МИХАЙЛОВ

[12 октября 1886 г. Петербург.]

Нехватает ни сил, ни таланта выразить Вам, Михаил Евграфович, всю радость, весь восторг, испытанные мною благодаря последним Вашим во истину бессмертным произведениям: восторг — от верности, правдивости всего, всего, что Вы говорите, радость — от сознания, что значит же здоров духом такой писатель, а коли здоров духом, то здоров или по крайней мере не так болен, как думали мы, и телом и много, много он еще напишет.

Вы не можете себе представить, что такое Ваши писания для тех, кто, как я, двадцать пять лет привык жить с Вами, изучая Вас, и знает Вас до такой степени, что не преложно уверен, что от Вас ничто дурное, ничто «пестрое», нечто фальшивое не выйдет! А когда кругом все дурно, пестро, фальшиво, когда величайшие писатели обманули читателя (кружок Грановского обратился в стадо свиней) — вспомните, что случилось с

Достоевским, с Толстым, — когда теперь этот обман и узаконен, и «упорядочен», и так сказать «высочайше утвержден», то неизмеримо дорог и как писатель и как человек этот единственный публицист, не покрививший ни совестью, ни пером во все долгие свое писательство! А Вы еще недавно как будто жалели о нем, жаловались на него, приговаривая «ах, это писательство». Не говорите так и знайте, что Вашему писанию мы не скажем «ах», а прокричали бы «ура», еслиб «ура»-то не истаскалось уже чересчур по парадам, да юбилеям.

Да, Вашего юбилея не было, а вот какой-нибудь Суворин так праздновал свой, еще как трескуче! И прекрасно. Зато те, кто у него ел и пил, его же презируют (хороши и они!).

Мы же Ваш юбилей ежедневно, ежеминутно в сердце носим и нет того отчаяния, нет того горя, которым нас дарит ежедневно русская жизнь, русская действительность, от которого бы не могли мы уйти, обратившись к Вам.

Пойду я в Суд, наслушаюсь сплетень, посмотрюся на того судью, которого там видел еще Крылов, тошно сделается, противно, а я думаю себе: «вернусь-ка домой, возьму «моего Салтыкова»... и все забуду!»

Пойду я в школу, где сын мой, так же, как и Ваш Кенарь-fils, не понимает, зачем начальству понадобилось, чтобы он греческий язык знал... опять тошно, опять противно, опять ужасно — что сделают они из моего сына! — Вернусь домой и опять за моего любимца, и опять все забыто, заморено хоть на часик.

Пойду в Думу, где Владимир Иванович празднует победоносную войну, а не может победить бешеных собак на улице и не может добиться чистой воды, — там та же история, то же чувство ошибается, та же наглость, то же тупоумие и холопство (все это, заметьте, с «талантом»), и опять возвращаюсь я к «своему писателю», опять он успокаивает меня, и нахожу я у него и объяснение всей этой ужасной действительности, и предсказание ее в свое время, найду и насмешку, но не преувеличение (действительность-то эта оказывается все перерастает вашу сатиру), найду и любовь, но не ту слащавую слюнявую любовь, которою так угодил печник-философ всем любителям непротивления злу, а ту, от которой легче дышится уже потому, что не примиряет она, а закаляет. А литература? Разве не в Бас также спасение и от ее неистовств, и от ее угара? Где и когда нынче честно пишут, честно думают? Любая газета ежеминутно отправляет всякое нравственное существование и уже не в «пределах», а «применительно к подлости», да еще какой подлости!

Так как же тут не читать Вас, не изучать Вас, не восхищаться Вами, не жить Вашими «сказками», предпочитая эти басы и всякой реальности?

Я желал все это высказать Вам лично и вот мне представилась такая дилемма: обеспокоить ли «его» визитом или письмом? Что лучше? Для «него» конечно спокойнее пробежать письмо, чем принимать непрошенного посетителя, для меня же... безопаснее — ведь не выдержу, расплачусь я (шестнадцатилетняя адвокатура не способствует укреплению нерв!), расстрою «его»... так уж лучше напишу!

Отец мой из Бадена постоянно справляется о Вашем здоровье, а я узнаю о нем от В. И. Иванова...

Дай бог Вам всякого облегчения, дорогой, искренне любимый, высокочтимый Михаил Евграфович.

12 октября 1886.

Ал. Михайлов

26

КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

2 февраля 1887 г. Петербург.

Дорогому Михаилу Евграфовичу.

Комитетский кружок Литературного фонда, собравшись на обычный обед 2 февраля, на каких Вы неоднократно участвовали, шлет своему дорогому сочлену горячие приветствия и пожелание доброго здоровья.

Председатель Н. Таганцев.

Александр Пыпин, Дмитрий Кобеко, Даниил Мордовцев, Алексей Плещеев, Всеволод Гаршин, Павел Гайдебуров, К. Арсеньев, Петр Морозов, Евг. Утин, В. Сергеевич.

27

С. П. и Е. А. БОТКИНЫ

Телеграмма

Petersb. Litejnaja, 62 M. Saltikoff

Paris, 7/II 1887.

Recevez nos felicitations sincères et vœux chaleureux de santé.

Sère Catherine Botkine.

28

Н. Н. ЛУЖЕНОВСКИЙ

Москва, Леонтьевский пер., д. Корф, кв. 40.

7 марта 1887 г.

Глубокоуважаемый и дорогой
Михаил Евграфович!

Посылаю Вам Вашу сказочку, переделанную мной с товарищем для народного издания. Не посетуйте на нас за то, что мы устроили этот плагиат и что не поставили на обложке его первоначального источника: цензура ни за что не пропустила бы тогда сказки. Мы, как видите, довольно свободно распорядились с Вашим сюжетом. Посылаем Вам и эпизод «Совесть у горюдничего» (у квартального, урядника), зачеркнутый Леонтьевым, что сильно повлияло на величину и достоинство книжки. Для нас крайне лестно было бы иметь в качестве рецензии несколько строк от Вас. Кто же это мы? Два моск. студента — юрист, сын покойного Островского, и филолог.

Признаюсь Вам, Михаил Евграфович, что все написанное мною доселе и самая посылка «Совести» — все это лишь предлог. В самом деле я отлично знаю, что не станете же Вы преследовать или притеснять невинное издание маленькой Вашей сказочки, притом исковерканной почти до неузнаваемости.

Знаете, Мих. Евграф., между таким писателем, как Вы, и всяким интеллигентным читателем неизбежно устанавливается какое-то взаимное притяжение, инстинктивное влечение двух умов. И если открывается возможность для читателя полуинтимной беседы с таким писателем, если является хоть тень предлога для обмена или хоть выгрузки своих мыслей перед ним, то читатель крайне охотно делает известного автора жертвой своей расхажившей на откровенность, до боли намолчавшейся души. Но я, с своей стороны, не решился бы на такое дерзкое посягательство на время человека, которому я симпатизирую и следовательно разделяю его интересы, если бы не одно соображение: в Ваших последних произведениях, начиная главным образом с «Недоконченных бесед», проходит грустный, скорбный тон. В «Беседах» Вы сомневаетесь в своем читателе, Вы

восклицаете: где этот российский читатель?!..; в «Мелочах жизни», написан летом во время Вашей болезни, Вы со скорбью и захватывающей сердце болью говорите о своем писательстве. В более поздних «мелочах» Вы рисуете все такие печальные отрицательные явления. Видимо Вам не хорошо.

Дорогой М. Е. — вот Вам причина и повод моего письма. Из напеч. писем Тург. и многих других литераторов я вижу, как иногда хорошо действовало на них чужое, но ободряющее слово, слово сочувствия, признания, понимания. Вот и я не казойливым мальчишкой, желающим пофанфаронить перепиской с знаменитостью — нет просто молодым сочувственником Вашей больной души хочу явиться в Ваших глазах. Горячо желалось бы уверить Вас, что у Вас есть читатели, есть горячие поклонники Вашего таланта, и, заметьте, не безразличные читатели, одинаково смакующие, которым все равно, что Щедрин, что Мещерский, — нет, а читатели со смыслом, и много их, очень много.

И не из одной молодежи. Теперь родился новый тип читателя, правда, не особенно многочисленный, но которому предстоит все разрастаться: это люди, родившиеся в конце 50-х, начале и первой половине 60-х годов. Они далеки от розовой благодущности и сытого квиетизма «отцов сороковых годов», но и не так близоруко запальчивы, не так стремительны, но и вовсе не заморожено-холодны, как можно полагать из противоположения их людям-героям и не-героям нашего *Strum und Drang*'а. Эти люди — будущие работники эволюционной науки и практической техники двадцатого столетия. Среди молодежи попадаются такие трезвенные натуры, дети купцов, крестьян, мещан, мелких чиновников. Между ними много эгоистов, они кажутся холодноватыми на вид, при знакомстве скуноватыми, но в дружбе и в деле они тверды и стойки. Между ними Вы — важный и чтимый писатель. Охотнее всего читаются те Ваши вещи, где Вы создаете, где Вы даете типы, резкие, сильные очерки, полные правды. Таковы у Вас «Головлевы», лучшая Ваша вещь. Нет, Михаил Евграфович, Вы не можете остаться без читателя, так же как и не можете не знать его. Но, ради Бога, дорогой писатель, будьте сколь возможно спокойны, стойки духом, будьте здоровы. Вы не можете представить, какую манну небесную представляют для молодежи Ваши вещи. Только зачем Вы так торопитесь: у Вас много неотделанного, Вы, как Глеб Успенский, топите свою силу в поденной газетчине. Какая громадная вещь «Головлевы», и как мало у Вас таких вещей, как много у Вас журналистики, публицистики. С каким наслаждением прочли мы «Черезовых» и особенно понравился студент. Ах, как Вы хорошо, симпатично, верно и беспристрастно его взяли! Сказки мы читали с наслаждением: особенно Волк и Коняга. Я никогда бы не кончил, если бы стал каталогизировать все, что нравится молодежи. В библиотеках никогда не добьешься книжки, журнала или № «Р. В.», где Вы появились. «Р. В.» раскупаются. Из старых Ваших вещей, дающих типы — не рассуждение, никогда не допросишься в библиотеке ни «Истории гор.», ни «Помпадур», ни «Головлевых», ни «Ташкентцев». Нет, дорогой Мих. Евгр., — у Вас есть солидный читатель. Пока м. б. молодежь читает без особ. размышления, но ведь она вырастет и все-таки не остынет к Вам. Вы войдете в число ее юношеских привязанностей, сознанных осмысленно, войдете в фонд ее развития, жизненного знакомства. Давайте только типы, не отставайте от жизни. Знаете, например, какой тип Вы еще кажется не затронули? Тип молодого эгоиста. Он чуть-чуть намечен в одном из «Стих. в прозе» Тург. Генезис типа — от 60-х годов. Материальная необеспеченность, ранняя работа из-за хл. сталкиваются с новыми идеями эмансипаторскими до-нельзя. Челов. рано начинает биться, битва закаляет и загрубляет его, но мало-помалу альтруистические тенден-

ции «дела» — просто под влиянием усталости — как бы выскользают для него самого неприметно — и он, повидимому продолжая служить прежнему богу, в сущности преследует цели маммона.

В нем страшное сомнение, промкие фразы об идеале соединены с чудовищным эгоизмом и фанатич. служением принципу, проводимому в жизнь до того прямолинейно, что выход *reduktio ad absurdum*: тут сластолюбие, и речь о назначении женщины, корыстолюбие и бессеребренничество на словах и пр. и пр. Очень слабо и дурно намечен этот тип у Мачтета в «Челов. с планом» («Русск. М.»). Я впрочем не читал всей повести, но мне рассказывали.

Видите, как я болтаю и надоедаю Вам наверно, дорогой Мих. Евгр... Ах, если бы Вы знали, как мне хочется, как отрадно было бы, если бы Вы поняли, что я — это собирательный молодой читатель, для которого Вы один из любимых, симпатичных вождей или не вождей, так руководителей, уяснителей мелких и крупных явлений т. сказ. «внутренней политики» жизни. Нас много, М. Е., и свинья нас не счавкает. Хотя за последнее вр. все кругом как-то приметно «омразело», сякоть какая-то разлилась, но это не беда: силы не повывтравились, а ушли в себя на внутр. работу. Это пожалуй даже лучше: меньше треску, больше дела. В письмах того же Тургенева есть великолепный завет молодежи русской: сидеть каждому по углам да учиться. Это и выполняла молодежь 40-х год. Вот и теперь спрятаться да учиться втихомолку. А там опять *Sturm und Drang*, 1-е марта и т. д. — видно судьба России прогрессировать волнообразно. Да это впрочем общая судьба: стоит взять дело пошире, а главное историчнее.

Знаете ли Вы, как ценил Ваш талант покойник Островский? М. б. скоро Вы прочтете в «Русск. Вед.» мои воспоминания об нем. Он считал Вас пророком, *vater*ом римским, страшной поэтической силой, приравнивал почему-то к библейским пророкам. Я сам все это слышал от него: я близок был к А-ру Ни-чу.

Не робейте же, М. Е., как говорят вообще для ободрения, сочувствия, разумеется не буквально: робости в Вас разумеется ни на иоту, я думаю, не сыщешь. Главное, пошли Вам бог или Ваша натура побольше здоровья. Говорят, Вы все-таки сильно недомогаете. Как бы я был рад, если бы мое длинное письмо не усугубило Вашей болезни своей длиннотою, а напротив дало бы хоть на краткое время чувство покоя, сознание исполненного долга перед неведомым читателем. Вы не чувствовали себя одиноким среди безбрежного моря «голов и умов» и равнодушных грудей, но почувствовали себя близким, родным по сердцу и уму среди плотной существующей сердечным пониманием молодежи и уже зрелых людей.

Кто болен сам, тот весело и жадно

Внимает вести о больном...

На эт. еще основании я и пишу к Вам и рассчитываю, что Вы дочтете мое письмо, м. б. заинтересуетесь его карандашной формой, а через то и его автором. Два года тому назад я был студентом Московского университета. 1½ г. тому назад меня ударил паралич и я лежу без ног, хотя не без надежды вернуть их, ½ года вылежал в нервной клинике, 4 месяца лечился на одесском лимане; на лето опять поеду туда. А пока полеживаю себе на славу. И знаете, нисколько не бравлируя, скажу, что ей-богу еще не большое лишение не иметь вовсе ног. Я понемногу занимаюсь, диктую для народного издания книжки, учусь играть на гармонье, за невозможностью сидеть, толкую с товарищами — хороший народ есть. У меня кажется пошевеливается жилка писателя — преимущ. критика-психолога вроде Тэна, хотя и не совсем (у Тэна психол. мало), но я стараюсь не разуживать себя: пока молод еще, а главное нездоров. Вот я и поживаю

себе и право, лишь бы живот не болел, могу долго так существовать без ропота. А окружающие меня мне это как бы в заслугу вменяют. А тут для меня никакого труда не составляет. Пробыл я 6 м. в клинике преимущественно с мужиками; много с меня от болезни задора сошло, многое поулеглось из личных болей и гражданских волнений — от того и другого — еще дурная организация я и в клинику попал — я стал 1) материалистом более убежденным, чем прежде, 2) проще, искреннее, научнее, шире стал смотреть на вещи и людей.

Если это моя не совсем заурядная история заинтересовала Вас хоть на 1 мин., то считаю себя в праве рассказать ее Вам. Если же Вы обидитесь на мою болтовню, то заранее простите. Но я и Вы оба больны; это мне показалось достаточно.

Теперь скажу Вам еще одно свое желание, уже, пожалуй, мелочно-молодое. Вы бы крайне обрадовали меня и Островского Михаила, если бы прислали нам как авторам переделки «Совести» по Вашему портрету с Ваш. автографом. Простите, Мих. Евгр., эту детскую просьбу: молодежь любит немного покичиться такими веществ. знаками невеществ. отношений, любит похвастаться близостью к своим кумирам. И, ей-Богу, тут одно хорошее, чистое чувство. При том далеко не каждому и не часто выпадает случай вроде выдающегося мне. У меня группируется в Москве кружок молодых, еще начинающих, не нашедших прохода в большие редакции писателей. Как нам приятно будет связывать свое будущее дело с крупными именами больших главарей литературы. С нетерпением буду ждать, ответите ли Вы. Будьте здоровы и покойны.

Н. Луженовский.

(Никол. Ник.)

29

ЧИТАТЕЛЬНИЦА

[Апрель — май 1887 г.]

Глубокоуважаемый Михаил Евграфович.

Прочла я Ваши «мелочи» в апрельской книжке Вестника Европы. Перед этим была несколько раз на передвижной выставке и каждый раз подолгу останавливалась перед Вашим портретом. И каждый раз, что смотрела на этот портрет, который, говорят, замечательно похож, и при чтении «мелочей» и многих других Ваших фельетонов в Русск. Вед. всегда поднимаются одни и те же мысли, одно и то же чувство: чувство и сознание своей полнейшей беспомощности, неумелости выразить Вам, нашему дорогому, незаменимому писателю, всю глубину моей признательности за все то, что Вы дали нам своей литературной деятельностью. Я говорю, что это чувство поднималось особенно назойливо именно в последнее время в виду Вашей болезни и условий, Вас окружающих, когда в каждой строке, которую Вы пишете, так и проглядывает глубокая грусть. Но в каком положении очутились все те люди, которые из году в год зачитывались Вашими произведениями, воспитывались ими? Ведь так хотелось бы ну чем-нибудь выказать свою признательность, в свою очередь хоть что-нибудь сказать или сделать такое, что могло бы показать Вам, как глубоко проникают Ваши слова в душу. Тем более хотелось бы это сделать, что Вы сами в последнее время часто задаете себе вопрос, как относились люди к тому, что Вы писали, какие у Вас были читатели, какое действие производили Ваши статьи.

Михаил Евграфович, из Ваших читателей многие, многие хотели бы уметь сказать Вам такое спасибо, из которого Вам стало бы ясно, какое значение Ваша литературная деятельность для них имела. Но ведь для

этого надо у мен ь е, а громадное большинство этим уменьем не обладает. Большинство, в том числе и я, сознает, чувствовало постоянно, как Ваши очерки, статьи ярко освещали те или другие стороны общественной жизни, делали ясным то, что пока лишь смутно чувствовалось, и таким образом помогало проверять свои собственные впечатления, уяснять себе разные стороны общественной жизни. Получая новую книжку журнала, первым делом всегда просмотришь, нет ли Вашей статьи? Но все это конечно Вы давно знали и знаете. Но как мы в свою очередь можем высказать Вам свою благодарность? Как и чем можем облегчить Ваши страдания? В какой осязательной форме представить Вам тех читателей, почитателей и людей, питающих к Вам, помимо почтения и глубокого уважения, искреннее глубокое чувство любви и привязанности, как к дорожному, близкому человеку, к человеку, с которым сроднились? А ведь таких людей много, много; и только наша неумелость заставляет нас хоронить это чувство, между тем как высказавши его Вам, этим самым мы может быть доставили бы минуту удовлетворения. Я ведь понимаю, что в сущности благодарность, любовь, уважение человека, которого не знаешь, человека заурядного не могут иметь значения для Вас. Именно это сознание постоянно и удерживает людей средних, не имеющих ни положения, ни веса, людей, ничем не выделяющихся из общего уровня, от всякого проявления своего чувства или мыслей.

Была я прошлого года весной в Петербурге. Все 10 дней, которые я пробыла, я все колебалась. Мне ужасно хотелось пойти к Вам, сказать Вам просто искреннее, глубокое спасибо, рассказать Вам про других, про некоторую молодежь, как она относится к Вам, но у меня нехватило смелости. Что такое я могу сделать для Вас? Не сочтете ли Вы мое посещение за назойливость, за праздное любопытство, вероятно к тому же я бы конфузилась, ничего не сумела бы сказать и возбудила бы в Вас досаду. И верьте, не я одна так рассуждаю. И многих удерживает такая мысль. А между тем желание Вам сказать это спасибо очень сильно. А чувство полнейшей беспомощности чем-нибудь выразить Вам свою благодарность очень, очень мучительно. Чем, как? Не знаю. Но верьте — нас много, много. Но что делать, не знаем. Только и можем сказать — «Спасибо Вам».

Ч и т а т е л ь н и ц а.

Если бы Вы знали, с какой радостью увидели мы снова Ваше имя в оглавлении журнала и как больно было прочесть Ваш справедливый упрек своим читателям. Но боже мой, верьте, что нам в голову не приходила никогда мысль, что Вы нуждаетесь в отклике читателя, там, в центре нашего просвещения, в Петербурге. А мы Вас так искренне любим, так глубоко уважаем, что боимся надоесть — мы были уверены, что кому-кому, только не Вам придется нуждаться в сочувствии читателя. Ведь Вы в нашей темной, трудной жизни наш свет, наша поддержка... Ваши статьи поддерживают в нас любовь к честной и полезной для других жизни среди людей, из которых едва ли наберется десяток сочувствующих нашей деятельности; хоть в большинстве случаев только на словах. Вы для нас маяк, освещающий дорогу, и мы, борясь с темнотой, с волнами, глядя на Ваш свет, соображаем, как идти, чтобы попасть и не сбиться с хорошей дороги. Не говорите же, что мы шмыгаем в подворотню, и не бросайте пера — подумайте о нас, изнывающих в тяжелой жизни, в трудной борьбе с другими и с собой, подумайте, какой поддержки Вы лишаете нас. Подумайте, если Вы, одарен-

ный силой, умом и гением, опустите руки перед ударами жизни, то как же поступать нам, не одаренным ничем?

До сих пор мы не падали духом, помня, что терпеливая капля и камень продолбит, неужели же Вы захотите подорвать в нас веру в честных, трудящихся до последней возможности, несокрушимых духом людей? Не упрекайте нас в измене! верьте, что мы и жизни для Вас не пожалеем, зная, что на место такого червяка, как я, явится много, а Вас кто заменит? если мы молчали, то потому, что не знаем, чем Вам служить, а что касается сочувствия, то разве есть в России хоть один честный и умный человек, который бы Вам не сочувствовал всей душой? Да разве Вы это не знаете? А если не писали, так от робости перед Вами, перед Вами только, и не перед чем другим. И притом, опять повторяю, мы думали, что там, в Петер., Вы в нем не нуждаетесь. Вы пишете, что много раз вызвали к читателю «откликнись». Ну вот потому я и решился на это письмо. Конечно оно не выразило и сотой доли той любви, преданности и уважения, которые я питаю к Вам. А я ведь не исключение, таких как (я) много, много, гораздо больше, чем это думают. Не оставляйте же нас без поддержки. Наша жизнь и так не красна.

Ч и т а т е л ь - д р у г Х.

31

НЕИЗВЕСТНЫЙ

[Апрель — май 1887 г.]

Дорогой Д р у г !

Позволяю себе обратиться с этим эпитетом для того, чтобы разуверить Вас в том, что будто бы у Вас нет друзей, конечно друзей «бакалейных» у Вас может быть и нет, да и бог с ними, эти друзья ненадежны; есть у Вас нынче семгушка, или какая другая снедь, друг при Вас, нет ее — и друга нет, он уже где-нибудь в другом месте ищет выпить и закусить, — а есть у Вас истинные друзья, друзья идей Ваших, это люди, которые до последнего вздоха не перестанут вспоминать имя Ваше не только с уважением, но даже с благоговением; мало этого: как бы мы ни благоговели перед Вами теперь, какие бы памятники ни воздвигали Вам после Вашей смерти, все-таки всего этого мало будет для того, чтобы вполне оценить заслугу такого публициста, как Вы, так высоко и долго державшего знамя правды и света. — Число Ваших друзей чрезвычайно велико: сколько читателей Ваших статей, столько и почитателей, так как читать их и в то же время не преклоняться перед творцом их — совершенно немислимо.

Ваша последняя статья в апрельской книжке «Вестника Европы» произвела на нас, дорогой друг, чрезвычайно тяжелое впечатление: не знаю, верно ли, но мы прозрели в ней Вашу автобиографию и главное автобиографию прощальную, если это верно, то это будет для всех нас страшным ударом. Столько лет почти подряд привыкли мы слышать Ваш правдивый, но не [дрзб.] голос и вдруг он смолкнет и смолкнет-то в такое ужасное беспроектное время, какое переживаем мы теперь. Конечно только действительная немощь может заставить такого многолетнего бойца сложить свое оружие; а потому, от всей души пожелав Вам скорейшего поправления здоровья, остаюсь

В а ш д а в н и ш н и й и в е р н ы й д р у г Х.

Ваша нравственная обязанность перед потомством говорить, говорить до последнего вздоха, а силы Ваши господь поддержит.

Многовага иже
Андреева Епархія
Его Преосвященства Митрополита
Андреева, כמו כי יצאנו מן
נפתחו וכל 40 שנים זה יצאנו
באופן קצת שנים. ביום
הזה נאמר לנו שיש ופאפא. ו
אנחנו.

Мы всталъ, пожелавъ, чтобъ и ты
 еще увидишь и поговоришьъ съ нами
 до кончины моею, и въспомни, въ
 будущемъ году. Мы прибудемъ
 твоею зрѣло и въспомни, мы будемъ
 въ своемъ вѣдѣ. Во вѣдѣ свое
 свидѣнны отъижди и въ вѣдѣ
 га и добра, и въ вѣдѣ вѣдѣ, въ
 вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ. Мы при-
 вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ
 вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ

уже за пародию при М. не имеют
никакой цены, хотя бы и были
как будто оригиналы, и его много
задают "милые люди" и т. д. Но
президенты будут учиться у нас
русского общества, и тогда его будут
быть гораздо больше. Это конечно
много труда и требует соблюдения
в. Все нужно на своем. Но —
всегда вспоминаю Вам и мо-
лю, что и тогда не забыть про-
двигать дело вперед и что оно
будет делом жизни. Неужели
Ваша "милостивая" — в
суде, и тогда, и тогда, и тогда
много, много, много, много
милости, что Вы не можете не
спасать, что, и тогда, и тогда
много, много, много, много

[illegible]

J. Kötter
Neptun Al.
1888₂

СТУДЕНТЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2 мая 1887 г.

Михаил Евграфович!

Горько, что Вы могли усомниться в той связи, которая существует между Вами и Вашими читателями. Уверенные в том, что существует масса людей, сочувствующих Вашим идеалам и глубоко уважающих Вашу деятельность, мы со своей стороны делаем все, что можем, чтобы разуверить Вас в Вашем пессимистическом отношении к уважению к Вам русской публики.

Этими несколькими словами мы хотим выразить Вам наше уважение и сочувствие. Продолжайте служить нам руководителем на избранном Вами пути и верьте, что Ваше имя никогда не забудется и всегда будет дорого для русской молодежи.

Студенты А. Тугенхольд, А. Каминка, В. Мякотин,
Н. Левитт, Н. Милуков, Н. Чехов, А. Богданович,
П. Вознесенский, А. Раевский.

Я. МЕЕРОВИЧ

Одесса, 11 мая [1887 г.]

Михаил Евграфович!

Провидение да укрепит здоровье Вам и продлит надолго Вашу жизнь, столь драгоценную для всего мыслящего русского общества. Кому же жить теперь, если не Вам. Когда «окрест царит глубокий мрак» (говоря Вашими словами), кто ж для нас будет светочью мысли, если не Вы.

Я. Меерович (один из молодежи).

В. В. ЯШИН

25 августа 1887 г. Щедринск.

Дорогой Михаил Евграфович!

Неужели Вы уже совсем покидаете своих осиротелых без Вас читателей? А именно теперь, более чем когда-либо, нужно Ваше мощное разумное слово: приближается реакция, призраки которой уже появились, вошло в силу дутое туманное учение Л. Толстого. Чем объяснить Ваше умолчание об этом крупном литературном факте? Неужели Вы разделяете целиком учение Толстого? Этого нельзя допустить, впрочем.

Ваши последние статьи хватают за сердце. Но зачем такое недоверие к читателю? У Вас нет читателей! Неправда, — у Вас их много и они Вас горячо любят. Положим, недругов у Вас еще больше, но, право, один хороший друг стоит десятка врагов, а друзей у Вас много, и друзей Вам преданных.

Крепко жму Вашу руку.

В. Яшин.

Щедринск, Пермской губ., дом Б. А. Голдобина.

Васил. Виктор. Яшин.

Адрес свой я написал в надежде иметь от Вас несколько строк. Как писателя я знаю Вас превосходно, но мне хотелось бы угадать в Вас и человека. В почерке же непременно отражается и характер.

ТВЕРСКИЕ ПОЧИТАТЕЛИ

Телеграмма

Пбг. Литейная, 63. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Тверь. 8/XI 1887 г.

Почитатели Вашего таланта, принося Вам поздравление, свидетельствуют чувства глубокого уважения и выражают уверенность, что эти чувства разделяются всею русскою интеллигенциею, видящею в Вас самого совершенного выразителя лучших ее стремлений.

Рождественский Николай, Лесевич Владимир, Лесевич Лидия, Языков Александр, Языкова Ольга, Рождественская Антония, Погосская Александра, Трубникова Авдотья, Де-Роберти Сергей, Ульянов Алексей, Ульянова Настасья, Павлов Николай, Павлова Вера Владимировна, Павлова Вера Николаевна, Волькенау, Иванов Александр, Барыбин, Барыбина, Лондис, Черкасова, Рогозина, Писарева, Скворцов, Козлов, Козлова, Николаев, Николаева, Шульц, Иванова Варвара, Алексеев, Воронин, Владимирский, Вошакин, Недзядковский, Арефьева, Эртель Александр, Мордвинова, Бакунина, Петрункевич Анастасия, Петрункевич Иван, Петрункевич Михаил, Бакунин Павел, Дьяков, Дьякова, Четвериков, Стромилов Александр, Стромилов Анатолий, Сухоручкин Сергей, Давыдов Сергей, Давыдова Варвара, Никифорова, Гинзбург, Цимковская, Свитушков, Поведский, Полетаев, Афанасьев, Медведев, Шевелев, Морозов, Шевелева, Жуковский, Жуковская, Костылев, Апостола, Давыдов, Ардальон, Руткевич, Юрлов, Покровский Василий, Покровская, Никифоров, Комицын, Сазонов, Протопопов, Семенов, Пантелеев, Федоров, Сурин, Яковенко Владимир, Яковенко Надежда, Кощенко Петр, Кощенко Вера, Шиманович, Бартелинг, Иванова Вера, Литвинов, Егоров, Баженов, Благовещенский, Щелкунов, Успенский, Культепин, Федоров, Эдуардов Николай, Эдуардова Екатерина, Упервицкий, Горенкин, Николаев, Плетнев, Чернилин, Смирнов, Бутягин, Бершадский, Андреев, Шуенинов Николай, Шуенинова Александра, Хермизи Иван, Хермизи Екатерина, Соколова, Хермизи Елена, Вознесенский, Козлова, Писарева, Сергеев.

СТУДЕНТЫ ГОРНОГО ИНСТИТУТА

Телеграмма

Литейный, д. № 62, Мих. Евграф. Салтыкову.

Петербург. 8 ноября 1887 г.

Поздравляем с днем ангела и желаем Вам побольше здоровья и сил, сеять разумное, доброе, вечное. Надеемся, что еще много раз отпразднуем этот дорогой для нас (и) всей читающей России день.

Студенты Горного Института.

37

С. ФИЛИМОНОВ
[А. Ф. Пантелееву]

Милостивый государь
Лонгин Федорович!

Будьте любезны: передайте Михаилу Евграфовичу Салтыкову посылку, отправленную из Вятки на Ваше имя. В посылке находится альбом, сделанный по подписке небольшим кружком почитателей Михаила Евграфовича. Этим даром вятчане имели в виду почтить сорокалетнюю литературную деятельность своего любимого писателя, всегда чуткого и отзывчивого на все злобы дня. Альбом этот вятчане просят принять Михаила Евграфовича в воспоминание о Вятке и тех годах, которые ему пришлось провести в этом городе.

Примите уверение в искреннем почтении и преданности.

В р а ч С. Ф и л и м о н о в.

38

ЧЛЕНЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

2 февраля [1888 г.]. Пбг.

Михаилу Евграфовичу Салтыкову. Литейная, 62.

Бывшие и настоящие члены Комитета Литературного Фонда пьют здоровье дорогого своего товарища и провозглашают ему многие лета на славу русской литературы.

Председатель В. Сергеевич.

Бывший — М. Стасюлевич, Арсеньев, бывший — Н. Таганцев, Ник. Михайловский, бывший — Д. Мордовцев, Ф. Воропонов, А. Пыпин, П. Морозов, Василий Семевский, Евг. Утин, Михаил Семевский, П. Гайдебуров, Э. Ватсон, В. Скалон, Яков Гуревич.

39

КОВЕНСКИЙ КРУЖОК «ЧИТАТЕЛЕЙ-ДРУЗЕЙ»

26 марта 1888 г. Ковно.

Многоуважаемый Михаил Евграфович!

В 3-й книжке «Русской Мысли» с. г. мы прочли, что в марте м-це исполнилось 40 лет Вашей литературной деятельности. Поэтому примите наше хотя и запоздалое приветствие.

Мы Вас поздравляем как одного из лучших литературных борцов за воплощение идей «человечности» в русском народе. Ни преследование тупой злобы и трусости, ни недуг не сломали Вас. Вы всегда самоотверженно отстаивали идеи правды и добра, преследуя сатирой «человеконенавистничество». Мы приветствуем эту благородную стойкость, которая всегда отличала и отличает истинных борцов за народное дело. И в настоящее тяжелое время, когда все честное будто спряталось и его место заняли «шипящие змеи и гады», Вы продолжаете будить упавший дух русского общества, ободряя его верой в торжество добра. Эта непоколебимая вера и доселе сохранившаяся в Вас служит ярким примером высказанного Вами мнения, что «и под пеплом продолжало добро гореть, и что оно вечно будет гореть». И если Ваш «читатель-друг» в силу тяжелых обстоятельств теперь затерян, то единственное, что Вам искренне желаем, — это дожить до той поры, когда «мнение» читателя-друга будет приниматься в расчет общественным мнением.

А мы верим, что время это близко...

Да здравствует один из лучших друзей нашей родины!

От кружка «Читателей-друзей».

СТУДЕНТЫ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

29 марта 1888 г. [Москва.]

Многоуважаемый и дорогой для нас
Михаил Евграфович!

Хотя и немного поздно, мы спешим принести Вам поздравление с 40-летней литературной деятельностью, направленной на благо и просвещение нашей родины.

Вас в молодости, как Вы говорите, волновали звуки слов: истина, свобода, справедливость, и эти слова впоследствии легли в основание Ваших сочинений, могуче призывающих к добру и громивших всякое зло и неправду. И мы были подвигнуты на первые шаги сознательной жизни этими высокими идеями. Одни они могли и далее служить для нас путеводной звездой в умственном и нравственном развитии. Поэтому необходимо было нас укрепить и поддержать на этой дороге. И Вы, дорогой Михаил Евграфович, были одной из лучших опор в этом отношении. Вы своими сочинениями научили нас познавать зло и стремиться к его уничтожению. Вы поддерживали в нас святую веру в торжество правды и добра, несмотря на тяжелую общественную эпоху, переживаемую нами; Вы дали пищу нашему критическому и анализирующему уму, раскрывая истинные причины и следствия безнравственного и несправедливого порядка вещей. Вы уже имели в нас ревностных читателей и горячих друзей. Мы будем трудиться и работать с надеждой, что принесем хотя небольшую долю той пользы, которую принесли Вы Вашим смелым и прочувственным словом. Нам уже будет легче идти вперед в самосовершенствовании и в нашей общественной деятельности, когда перед нами горят блестящие светочи и достойные подражания примеры. Мы, крохотная капля Ваших почитателей, приносим глубокую и сердечную благодарность.

Примите снисходительно выражение наших чувств.

Студенты Московского университета:

И. Вазанов, М. Соболев, И. Богородский, Вл. Рождествен, Сницеров, Яхонтов, Быстров, Виноградов, И. Петров, И. Безносков, А. Знаменский, С. Поленов, С. Вовойский, А. Соболевский, В. Никитин, Б. Широков, А. Лупандин, Н. Понятский, А. Турчинский, Смоленский, В. Мальков, А. Далецкий, Р. Шредер, Павел Уткин, Рейтар, Ив. Герасимов, А. Крашенинников, С. Сеферов, Ф. Арбузов, И. Кузнецов, А. Зубков, С. Заборовский, Тер-Овахитов, Тынянов (?), Н. Кижнер, В. Миленднер, А. Фомин, А. Андреев, Н. Пастухов, В. Горбенко, В. Дьяков, Н. Попов, Г. Егоров, М. Колпакчи, А. Эйсмонт, Н. Римский-Корсаков, С. Бебешин, Ал. Макеев, Николай Рожков, Ал. Пастуро (?), Ив. Кузменко-Кузмицкий, Ив. Козлов, Бурмакин, Калашников, Верин, Кандагоровский, Ржевский.

Г. БАТАШЕВ

Март — апрель 1888 г. Дер. Анишино, Тульского уезда.

Многоуважаемый
Учитель и Наставник!

Позвольте за все те минуты пыток, душевных терзаний, тоски и страданий, за минуты отдыха и успокоения, которые я переживал и переживаю,

пользуясь плодами Вашей сорокалетней литературной деятельности, изда-
лека сказать Вам мое искреннее спасибо!

Земский врач
Г. Б а т а ш е в.

42

Г. ВУЛЬФИУС

30 апреля, 1888 г. Лейпциг.

Глубокоуважаемый
Михаил Евграфович!

К глубококому своему прискорбию Славянское Студенческое Общество в Лейпциге не могло вследствие отсутствия членов во время каникул своевременно послать Вам свой сердечный привет ко дню исполнившейся 18 марта сорокалетней годовщины Вашей беспримерной по своему значению литературной деятельности.

Славянское Общество, всегда с живейшим интересом и искреннейшей радостью встречавшее Ваши произведения, столь симпатичные ему по своему направлению и высоко художественные по своему содержанию и форме, на первом генеральном заседании, состоявшемся 16/28 апреля 1888 г., уполномочило меня выразить Вам, глубокоуважаемый Михаил Евграфович, свое искреннее сочувствие и горячую признательность за все то, что Вы сделали для русского народа, и пожелать Вам от всей души сил для продолжения Вашей столь замечательной деятельности.

Председатель Слав. Студенч. Общества
Герман В у л ь ф и у с.

43

АДРЕС ДЕРПТСКИХ СТУДЕНТОВ

[Апрель — март 1888 г.]

Глубокоуважаемый Михаил Евграфович!

Исполнилось 40 лет Вашей многотрудной литературно-общественной деятельности. Не решаясь брать на себя непосильную, крайне трудную и глубокую по своему значению задачу — характеризовать, хотя в общих чертах, Вашу многолетнюю и глубокоплодотворную деятельность на пользу родимой страны, мы, русские студенты Дерптского университета и ветеринарного института, тем не менее не можем, по случаю исполнившегося 40-летия литературного служения Вашего своему благотворному делу, не откликнуться и не поблагодарить того, кто так много и долго внушал всему русскому обществу великое и жизнь освежающее чувство добра и правды, кто неустанно будил общественную мысль и совесть, кто не переставал беспощадно и метко бичевать как общечеловеческие, так и чисто русские пороки, и кто, наконец, указывая на бессилие и несправие личности, не устал бесстрашно и энергично восставать против всего строя нашей современной политической и общественной жизни и всех современных условий развития и деятельности личности. Сорок лет, дорогой учитель, — долгий промежуток времени. В него успело смениться несколько поколений, возникнуть и пасть много благих начинаний, пройти несколько периодов то возбуждения и подъема русских общественных сил и духа, то крайнего упадка и приниженности. И Вы были живым и не безмолвно-равнодушным свидетелем всего этого. Окидывая взглядом это наше сорокалетнее прошлое с его особенностями и деталями, становится вполне понятным, как велико и благотворно было зна-

Всехъ вамъ миръ

И вамъ Счастья!

Дорогого товарища узнаю по имени и
Вашимъ словамъ и пожеланиямъ. Вамъ пишу
только несколько словъ по поводу расста-
ния отъ друзей и знакомыхъ. Желаю Вамъ хорошей
погоды и здоровья. Желаю Вамъ счастья и
Вашимъ друзьямъ всего самого лучшего. Всего
хорошего Вамъ и Вашимъ друзьямъ. Всего
хорошего.

Съискатель. Новороссийского
Университета

С. Салтыков

Канцелярия

М. И. Салтыков

Канцелярия

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

С. Салтыков

4. Владимир
 5. Владимир
 6. Владимир
 7. Владимир
 8. Владимир
 9. Владимир
 10. Владимир
 11. Владимир
 12. Владимир
 13. Владимир
 14. Владимир
 15. Владимир
 16. Владимир
 17. Владимир
 18. Владимир
 19. Владимир
 20. Владимир
 21. Владимир
 22. Владимир
 23. Владимир
 24. Владимир
 25. Владимир
 26. Владимир
 27. Владимир
 28. Владимир
 29. Владимир
 30. Владимир
 31. Владимир
 32. Владимир
 33. Владимир
 34. Владимир
 35. Владимир
 36. Владимир
 37. Владимир
 38. Владимир
 39. Владимир
 40. Владимир
 41. Владимир
 42. Владимир
 43. Владимир
 44. Владимир
 45. Владимир
 46. Владимир
 47. Владимир
 48. Владимир
 49. Владимир
 50. Владимир
 51. Владимир
 52. Владимир
 53. Владимир
 54. Владимир
 55. Владимир
 56. Владимир
 57. Владимир
 58. Владимир
 59. Владимир
 60. Владимир
 61. Владимир
 62. Владимир
 63. Владимир
 64. Владимир
 65. Владимир
 66. Владимир
 67. Владимир
 68. Владимир
 69. Владимир
 70. Владимир
 71. Владимир
 72. Владимир
 73. Владимир
 74. Владимир
 75. Владимир
 76. Владимир
 77. Владимир
 78. Владимир
 79. Владимир
 80. Владимир
 81. Владимир
 82. Владимир
 83. Владимир
 84. Владимир
 85. Владимир
 86. Владимир
 87. Владимир
 88. Владимир
 89. Владимир
 90. Владимир
 91. Владимир
 92. Владимир
 93. Владимир
 94. Владимир
 95. Владимир
 96. Владимир
 97. Владимир
 98. Владимир
 99. Владимир
 100. Владимир

[illegible]

сп. Рязанцев
С. Басовичев
С. Сидоренков
Л. Павлов

III. Усупов

С. Тупиков

М. Мухоморов

С. Сидоренков

С. Мухоморов

М. Мухоморов

Н. Телес

Восин

С. Мухоморов

Трухачев

Трухачев

Трухачев

Трухачев

С. Мухоморов

С. Мухоморов

С. Мухоморов

С. Мухоморов

С. Мухоморов

С. Мухоморов

С. Мухоморов

С. Мухоморов

С. Мухоморов

С. Мухоморов

С. Мухоморов

С. Мухоморов

А. Абрамович
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов

С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов

С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов

С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов

С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов

С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов

С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов

С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов

чение такого дела общественного служения, как Ваше, и такого могучего орудия, каким обладаете Вы. Следуя своему внутреннему призванию, Вы заняли важный и ответственный пост сатирика - обличителя язв современного русского общества. Вы, неизменный и несокрушимый борец за человеческие права и свободу, ни разу до сей поры не сошли с этого поста, ни разу не отступили ни на шаг от своих требований и запросов от жизни. Сатира Ваша разрасталась, охватывала все больший и больший круг предметов, не оставляя без внимания ни явлений нашей экономической жизни, ни общественной, ни, наконец, политической. Вы освещали все закоулки русской жизни. Вы отмечали все недуги и язвы ее, смеясь тем смехом, под которым «кроются невидимые миру слезы». И этот благотворный смех сослужил великую памятную службу родине; все лицемерное, фальшивое и безобразное нашей жизни спешило прятаться, стыдилось и боялось появляться на свет божий во всей наготы своей... Так, стоя вместе с другими борцами на страже интересов русского общества, дожили Вы до наших дней, достигнув всеми признанного значения передового бойца и светоча современной русской мысли. Но служа так долго на своем посту, Вы, дорогой учитель, не только не отстали от духа времени, не только не уловили его потребностей, запросов и злос, но всегда шли впереди его. Вы, Михаил Евграфович, и мы — современная русская молодежь — люди разных поколений, но мы не только понимали Вас всегда, мы шли за Вами, мы жадно ловили Ваши боевые речи, мы чутко прислушивались к Вашему дорогому для нас голосу, Вы — наш вождь, наш носитель лучших стремлений и идеалов, наш сборный пункт... Это не пустые фразы, а самую жизнью подтвержденный и доказанный факт. Вы наш вождь, потому что, принадлежа по своему великому благородному сердцу и уму к тем немногим, которые уходят «от ликующих, праздноболтающих, омывающих руки в крови» в «стан погибающих за великое дело любви», Вы были с нами и впереди нас в самые трудные годы испытаний и в момент высшего развития стремлений уходить в этот «стан погибающих»... Ваш голос разделил все мало-мальски мыслящее на две резко различающиеся половины, и под Ваше великое, честное знамя стало все молодое, горячее и искренне ищущее правды и света. Учитель наших учителей, Вы подготовили к жизни и борьбе несколько поколений вожаков общества и ряды немногих, но бодрых и крепких духом молодых боевых дружин. Вы наконец, как добрый пахарь, без усталости бросая в русскую почву семена «разумного, доброго, вечного», безостановочно будили общество от умственной спячки, ратовали против бессилия личности и, мужественно указывая на тяжелый гнет политический, бесстрашно граждански говорили русскому обществу: «встань, проснись, подымись — на себя погляди». Пусть же теперь, после этих многотрудных 40 л. обществ. служения, Вы и Вам преданные с законной гордостью бодро и спокойно оглянете пройденный Вами тернистый путь. Пусть сознание, что за Вами и вокруг Вас, святой старик, стоят молодые русские силы, жаждущие дела, что в ответ Вашему благородному сердцу бьются сердца всей русской молодежи — осветит Ваш путь и подкрепит Ваши силы. Мы, частица русской молодежи, заброшенная сюда на чужбину, шлем Вам свой горячий привет свою дань глубокого уважения и благодарности за все, что сделали Вы для русского общества, для нас и для нашего воспитания в osobенности. Мы приветствуем вас теперь, как испытанного, закаленного вождя, как свою несокрушимую твердыню, вокруг к[ото]рой возможно собраться дружной толпой и устоять в борьбе. Живите же долго, дорогой учитель и вождь, и ведите нас и русское общество по тому пути, по к[ото]рому вели 40 лет».

[Следует около ста подписей.]

44

М. Н. МОЛДАВСКАЯ

[Л. Ф. Пантелееву]

19 августа 1888 г. Яранск, с. Озеро.

Милостивый государь
Лонгин Федорович!

Простите, что совершенно неизвестная Вам личность решается обременять Вас своим письмом, но как же иначе и от кого лучше можно узнать о здоровье Михаила Евграфовича?

Нетерпеливо перечитываешь газеты и ищешь в них хоть каких-нибудь сведений и слухов о нем, и ничего не находишь; в В. Европы статей Щедрина не появляется, а душа болит за этот блестящий светочь нашей родной литературы, озаряющий таким правдивым и неподкупным блеском все самые скрытые и отдаленные уголки нашей нравственной и общественной жизни, за того, чей неподражаемый талант открывал все ее раны глубокие и иногда неизлечимые, на гениальные создания которого мы отзывались всем глубоко возмущенным сердцем и каждое из которых составляло эпоху в нашем существовании. Так горячо и искренне хотелось бы знать хоть что-нибудь о высокоуважаемом и ценимом Михаиле Евграфовиче: где он, поправляется ли его здоровье и позволяет ли оно ему продолжать его многотрудную и многим полезную литературную деятельность. Ведь Михаил Евграфович — общее достояние и гордость всех мыслящих людей России, а мы когда-то во время его пребывания в Вятке имели счастье считать его в числе своих хороших знакомых, — нам, значит, дорог он вдвойне.

Если найдете возможным, удостойте хоть строчкой ответа, чем много и несказанно обяжете свидетельствующую Вам совершенное почтение

М. Молдавскую.

Мой адрес: Марии Никитичне Молдавской в г. Яранск, Вятской губернии, сельцо Озеро.

45

СТУДЕНТЫ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

[1888—1889 гг. Одесса]

Высокочитимый
Михаил Евграфович!

Глубоко встревоженные известием о Вашей болезни, не позволяющей Вам продолжать плодотворную работу на пользу родины, от души желаем, чтобы Ваша мощная натура поборолa телесный недуг и чтобы Ваш могучий голос долго еще звучал, вдохновляя нас на все разумное, прекрасное и честное.

Студенты Новороссийского университета:

Яблонский, Кандиба, Беляев, Новак, О. Габинский, С. П. Чолаков, Ар. Орбинский, С. Слоним, И. Эйши-скин, К. Козминский, Я. Гессен, С. Белоусов, Б. Микулин, Стратонов, Владимир Ворт, Делов, Вл. Доличко, И. Доливо-Добровольский, А. Окиневич, М. Дадуль, Г. Цацкин, Шкулинский, Дибольд, Г. Софронеев, А. Хонякевич, Б. Дмитренко, С. Иппа, А. Петров, А. Коган, А. Асрибеков, Егор Тер-Овакимов, Николай Балашев, Николай Лосятинский, Георгий Петренко, Годосевич, Павел Брук, Дмитрий Сигаревич, Тигран Шхияни, Конакевич Альвиан, Николай Коваленко, Аркадий Волчанецкий, Иван Стародубцев,

Василий Околович, Даниил Заболотный, Николай Ботерат, Владимир Росинский, Петр Кизириев, М. Вахтель, Г. Гуревич, М. Комаровский, Г. Белковский, Л. Тарасевич, Л. Галай, В. Ласкарев, С. Ландсберг, Б. Зазулинский, И. Кушковский, И. Лордминанидзе, Людвиг Гинстлинг, В. Титов, С. Вельчев, Герцо-Виноградский, Михаил Поночевный, Балугаянц, Бладзевич, М. Македон, Гаевский, Ив. Элиашвили, М. Гинцбург, С. Шусов, А. Фрейденберг, П. Густянов, Т. Ващенко, Н. Птицын, Николаев, Гр. Барашвили, В. Бокодоров, Эд. Виссор, М. Мандес, Б. Маньковский, С. Подрольский, С. Добровольский, С. Ваненко (?), Вл. Маевский, Ф. Станевич, Э. Маргулис, Ф. Закс, Н. Ерманенко, Ан. Кочетуров, Н. Ругинов, Н. Панченко, М. Фикс, А. Чернявский, В. Воеводский, М. Левин, В. Гарцман, А. Колянковский, С. П. Сербак, С. Зильберфайн (нрзб.), Камяченко, С. Казюлькин, А. Стуков, Гинстлинг, М. Лунц, Л. Ярошевич, В. Гессен, А. Захарский, Г. Золотов, Ив. Иванов, Л. Зак, В. Каган, М. Фельдман, Я. Балабан, Ал. Мордмиллович, В. Карниани, В. Зеленецкий, И. Бергманн, Ив. Элиашвили, Михаил Гальперин, К. Стамеров, К. Гаузнер, В. Андреев, Х. Жуковит, С. Гершейго, В. Гамберг, Б. Зингер, Сахновский, Сутягин, Ускат, Шенель, Чхеидзе, Бондзинский, Пекарский, Н. Попов, Г. Семенов, Д. Фольфензон, М. Зененко, Г. Попович, И. Пинис, Ігускі, Вайнберг, Френкель, Г. Воскобойников, В. Невенгловский, А. Бланк, Э. Мачавариан, А. Ротмистров, С. Фейерштейн, Б. Сверженский, М. Мерелло, И. Баратов, Г. Графтио, Ф. Салун, В. Деминтру, И. Чиковани, П. Погореловский, Н. Захаров, М. Руковишин (?), Р. Красусский, Вишневецкий, Ив. Драго, В. Вейнберг, А. Трескинский, Ф. Фугалевич, С. Балагианц, Л. Андроников, А. Пантелеев, Т. Чепурский, Б. Бурер (нрзб.), А. Дабовский, С. Шнейдер (нрзб.), Н. Львов, Виолин, С. М. Вайнштейн, Букин, Грозинский, Аф. Томашевский, Ржевуцкий, Ал. Мордмиллович, Як. Гуревич, Ш. Леви, Вл. Маевский, Ицкович, Ф. Бондаренко, ..., И. Тодоровский, М. Фельдман, В. Лилов, Berezowski, Kulikowski, Балугаянц, О. Пергамент, В. Караунонов, А. Архангельский, Артур Готлиб, Б. Кенигсберг, Д. Абашидзе, А. Лившиц, С. Пергамент, А. Тарасовский, М. Ващенко, С. Бартошевич, П. Навицкий, К. Маланец, И. Кашеневский, С. Булатович, А. Гуковский, А. Кордуньян, Вл. Чвалинский, К. Варфоломеев, М. Зубалов, И. Раппопорт, В. Шмайлович, Гр. Кайзерлинг, Н. Андреевский, С. Лилов, А. Болотов, М. Пиотровский, В. Шапиро, С. Б. Анштейдин, К. Доливо-Добровольский, Н. Родзяновский, В. Фоменко, Ар. Оганджанов, Ив. Петченко, П. Белинский, Ив. Добровольский, В. Гади, Онищенко, С. Шеренчиш, П. Фомин, М. Хижинский (?), Шахмалаев, М. Шмуклер, Г. Фридлянд, Ф. Немцов, В. Ковалев, П. Бормский, Н. Альбов,

А. Бычерин, В. Якобсон, Титоров, Лозицкий, Руссьян, Л. Пурцеладзе, Герцензон, Винаров, Г. Ран, К. Милатовский, К. Хвития, С. Заруский, Д. Мастеров, М. Гутник, М. Лазо, Л. Манулайшвили, Б. Адман, А. Безредка, Э. Пфейфер, Д. Зноивский, Чайковский, С. Шор, Niewodniczanski, Г. Кауфман, Н. Бондаровский, Ил. Гинзбург, Н. Ястрежемский, Н. Обиняков, С. Мрамор, А. Шкловский, Я. Бродский, А. Пецольд, Г. Окуневский, С. Бишневский, Л. Пастель, Б. Аргутинский-Долгоруков, И. Белинский, М. Попов, Як. Ивашенко, Ст. Сладкосвкий, Гр. Пластунов, Г. Лордкипанидзе, И. Мдивишвили, И. Гафенко, Г. Шмидт С. Десятский, Паризо, Гр. Цольянов, М. Хелимский, П. Султанов, Д. Пинскер, Хр. Антунович, Гуладзе Яков, Райх, Сталь, Селецкий, Н. Захаревич, Димитриу, А. Владимиров.

46

УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ

Телеграмма

Пбг. Редакция Вестника Европы. Салтыкову.

Москва. 12/I 1889.

Большинство учащейся и учащей молодежи шлет свой привет в день Татьяны.

Петровский ресторан.

47

СТУДЕНТЫ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ДР.

[Апрель 1889 г. Одесса.]

Михаил Евграфович!

Страдая на одре болезни, знайте, что муки Ваши близки сердцу молодого поколения. Верьте, что горящая в Вас искра божия зажгла много светочей в далеких углах нашей темной родины. С холодного севера протяните нам руку на юг и примите искренние пожелания здоровья и продолжения Вашей благотворной деятельности. «Стой солнце, над Гафоном и луна над долиной Айалаонскою».

Г. Остапенко, А. Крайзер, М. Рашков, И. Гутерман, В. Хонякевич, Ad. Grzybowski, Edw d Mier, zwinski, М. Вайнштейн, Л. Войцеховский, И. Вишневецкий, О. Дувакин, Гр. Зайднер (?), В. Маршак, Штейн, Гр. Шик, Ф. Бромберг, R. Orzecki, Josef Rusiecki, S. Medyński, Гут (нрзб.), Т. Czewiński, S. Mięczyński, A. Końkowski, Н. Суханов, Ан. Кудрин, Д. Лушша-Донченко, М. Псс (нрзб.), Р. Капи (нрзб.), М. Казанов, П. Московский, Л. Зон, П. Дольников, А. Лисовский, А. Хоецкий, И. Ходоровский, Х. Белоцерковский, Яков Сосин, Л. Кубницкий, С. Анштенд, Я. Метт, М. Блавштейн, И. Пыш (нрзб.), Э. Кабещкий, Чачиков, Я. Марсалин, А. Гольдес, Ад. Гейник, И. Гуревич, Як. Лисовский, В. Васенко, А. Разухадский, Б. Жера, И. Новик, Ф. Круглов, О. Рошевский, Занзито, Ив. Спендиаров, А. Кадим-бек, С. Невельштейн, Н. Перлин, А. Блифштейн, А. Даниель-бек,

И. Доливо-Добровольский, Т. Ткач, С. Гершойго, Ал. Цетрин, М. Бом, Д. Перехватов, И. Шенберг, Г. Лесинский, Як. Фогель, М. Зильберман, А. Вайнштейн, А. Элевидзе, Г. Лодикипанидзе, Ф. Зейлигер, Бурков, С. Ипша, Н. Ильштейн, А. Кротов, С. Баронов, Ан. Петриковский, Сланицкий, Конст. Сабо, А. Байшедт (?), А. Гиллерсон, А. Лонгберг, Губерцац, Dsbanowski, Ю. М. Сигаль, В. Петровский, В. Ицкович, Н. Петровский, А. Попов, А. Блиц, Ал. Сидоренко, С. Вилленот, В. Умов, Gloskowski (нрзб.), К. Ратгауз (нрзб.), П. Гворов, В. Перушкин, Jaroslaw Feod. Heyduk, С. Мозаровский, Ludvin, Rojeski, С. Чинейдер, К. Копоринде, М. Криличевский, М. Фрейман (нрзб.), Я. Мульман, С. Ландсберг, Г. Белковский, П. Грицай, С. Либерт, Р. Вейсман, А. Грозинский, М. Андреев (нрзб.), А. Караваев, Г. Пекатарос, П. Петренко, В. Антоновский, В. Церетели, Ф. Боловков, И. Вестерман, И. Овчинников, О. Серебрянник, Е. Попов, Целепецкий, Вогаевский, С. Мејго, Г. Думбро, В. Ивашкин, В. Лотоцкий, (нрзб.), Г. Огуз, Л. Галай, М. Колпакчи, И. Крюков, И. Кушковский, Попков, Гади, В. А. Аглицкий, Г. Матвеев, Б. Кулябко, Г. Зильберштейн, Г. Лодкапанидзе, С. Златов, С. Нейфельд, А. Лилов, Ариссмани, (нрзб.), Д. Айналов, Б. С. Шрейбер, А. Рейнов, А. Вилковский, Н. Ступаков, Л. Гольденштейн, (нрзб.), Ал. Фишер, Ос. Волкенштейн, В. Начев, А. Аврамов, П. О니лов, С. Кальманович, Л. Фурман, Г. Френкель, И. Пекарский, А. Слоним, Н. Бондаревский, Х. Фрошод, С. С. Саморуно, А. Боханов, С. Винер, М. Фугирант, Я. Лебединский, Ив. Рогожин, Ав. Чарквиани, М. Исподатов, К. Пашкевич, Л. Сланицкий, М. Сидоренко, А. Михановский, П. Цыперович, М. Уманский.

48

ГРУППА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

20 апреля 1889 г.

С тяжелым чувством узнали мы, Михаил Евграфович, о Вашей болезни, но с тем большим благоговейным уважением преклоняемся мы перед благородной мощью Вашего духа, не поддающегося никаким страданиям и знающего один лишь завет — служение родине и ее идеалам. И какое служение! На заре шестидесятых годов бодро и живоительно раздалось Ваше слово, и с тех пор Вы высоко держите знамя идеалов лучшей части русской интеллигенции, подымая его все выше и выше и свято оберегая это дорогое всем нам знамя от надвигающихся темных сил. Ваше сильное карающее слово учило и воодушевляло и в то же время обуздывало и стыдило.

И теперь более чем когда-либо чувствуется потребность в этом благородном голосе. Выздоровливайте же, дорогой Михаил Евграфович, и продолжайте еще долгие годы занимать принадлежащее Вам место вождя русской интеллигенции. Это составляет предмет самых искренних желаний всех здесь подписавшихся. Среди нас есть представители самых разнообразных профессий: профессора, литераторы; врачи, художники, учителя, учительницы,

земцы — но всех нас соединяет одно чувство искренней любви и глубокого уважения к Вам, дорогой учитель!

Заболотная, Колчанов, Червен-Водали, Петр Спиро, Машков, Я. Бизбах, С. Рубинштейн, Тиктин, Успенская, Петриев, П. Заботинский, Черкос, Зелинский, Полунин, Попов, Элиашвили, Борзякова-Норман (нрзб.), Дошпельмайер, Вольтке, Вазский, Дорошевский, Казамененко, И. Смирнов, Чукас, Вашенко, Штейгер.

49

ХРИСТОФОРОВА

Телеграмма

Пбг. Галерная. Контора Вестника Европы.

Никополь. 22/IV 1889.

Покорнейше прошу ответить другу-читателю, как здоровье несравненного Салтыкова.

Христофорова.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все опубликованные выше письма и телеграммы взяты нами из личного архива Салтыкова, находившегося долгое время у его дочери, а ныне хранящегося в Институте Русской Литературы в Ленинграде. Исключение составляют лишь: 1) адрес дерптских студентов Салтыкову, взятый из архива редактора «Русской Старины» М. И. Семева (ИРЛИ), 2) письмо А. М. Трескова к Н. К. Михайловскому, извлеченное из архива последнего (ИРЛИ), и 3) два письма к Л. Ф. Пантелееву из его архива (ИРЛИ).

К ПИСЬМУ № 1

В апрельской книжке «Отечественных Записок» за 1882 г. было помещено VIII «Письмо к тетеньке», соответствующее в «Собрании сочинений» письмам XIII и XIV.

Содержание его весьма разнообразно: есть очень сильные места о неизбежном торжестве в истории «благородных мыслей», «благородных чувств» и «идеалов»; есть высказывания Щедрина о самом себе как о «вредном» писателе, «протестующем» против «произвола, двоедушия, лганья, хищничества, предательства, пустомыслия и т. д.»; есть язвительная характеристика реакционной «вольной» русской печати за границей; есть художественные сцены — встречи и беседы с русским помпадуром за границей и наконец история о поповском сыне «как он землю пахал и что из этого вышло».

К ПИСЬМУ № 4

Алабин, Петр Владимирович (1824—1896) — автор военных мемуаров и нескольких книг для народа — был городским головой в Самаре (его автобиографию см. в книге «Знакомые» М. И. Семева, СПб., 1888, стр. 159). Письмо Алабина любопытно для истории казенно-либерального «увековечения» Щедрина.

Около того же времени в либеральной Твери местное земство устроило городской музей и вскоре после открытия решило поставить в его зале бюст Салтыкова как знаменитого уроженца Тверской губернии, ее гордости и славы, — и бюст был выставлен до тех пор, пока правительственная кара не достигла «Отечественных Записки»; но лишь только гроза разразилась над головой Салтыкова, тотчас же председатель Тверской палаты Жизневский (не раз до того выражавший лично сатирику свое восторженное преклонение перед его талантом) предложил комитету, управлявшему музеем, убрать бюст как изображение лица неблагонамеренного и хранить его на «чердаке» (Н. А. Белоголовый. «Воспоминания» и др. статьи, стр. 240). Об этом же эпизоде рассказывает и сам Салтыков в своих письмах, прибавляя: «В том же году, в Кляеве, из городской библиотеки мои сочинения выбросили, хотя они даже в индексе не значатся» («Письма», 1924, стр. 283).

К ПИСЬМУ № 5

Просьба студентов была удовлетворена. В № 130 «Русских Ведомостей» от 13 мая 1883 г. появилось следующее письмо Салтыкова в редакцию газеты:

«М. Г. Позвольте мне обратиться к посредничеству вашей уважаемой газеты, чтобы выразить искреннейшую мою признательность г. Пашковскому и другим лицам, призвавшим мне из Москвы сочувственную телеграмму от 7 мая.

Примите уверение и проч.

М. Салтыков

8 мая».

К ПИСЬМУ № 6

Дата письма устанавливается приблизительно по упоминанию о чествовании памяти Тургенева, скончавшегося, как известно, 22 августа 1883 г.

Это письмо надо сопоставить с телеграммой, посланной с юбилея поэта Плещеева, когда собравшиеся в числе 100 человек также вспомнили о Салтыкове и послали ему приветствие.

К ПИСЬМУ № 7

Кравцов, Григорий Львович (1840—1890) — ветеринарный врач, писатель по своей специальности; вместе с женою А. П. Блюммер (сестра эмигранта-писателя) собирал альбом автографов, который описан и частью воспроизведен в сборнике «Привет» (СПб., 1898, стр. 216—220), но автографа Щедрина среди опубликованных нет.

К ПИСЬМУ № 9

Завод Яхненко и Симиренко известен в истории народоустройства: один из семьи Симиренко, студент Лев Платонович, вместе со своим товарищем И. П. Белоконым вел пропаганду на заводе; родственником этой семьи был А. Желябов.

К ПИСЬМАМ №№ 10—20

В октябре — ноябре 1885 г. Салтыков был сильно болен, две-три недели он пролежал с температурой, переходившей за 40°, часто терял сознание (см. Н. А. Белоголовый. «Воспоминания». М., 1898, стр. 241—242). Известие о болезни Щедрина, как явствует из публикуемых писем и телеграмм, взволновало широкие круги его читателей-друзей.

К ПИСЬМУ № 23

Телеграмма пошла почтой и дата ее устанавливается по дню юбилея А. Н. Плещеева — 15 января 1886 г.

К ПИСЬМУ № 24

Письмо вызвано сказкой Щедрина «Приключение с Крамольниковым», появившейся в № 252 «Русских Ведомостей» за 1886 г.

К ПИСЬМУ № 26

2 февраля было традиционной юбилейной датой Литературного фонда, когда происходили выборы членов и товарищеские обеды. Салтыков принимал деятельное участие в работе Литературного фонда на протяжении 1869—1881 гг. как кандидат в члены комитета, член комитета и товарищ председателя комитета. При известной не любви своей к шумным публичным торжествам, Салтыков охотно посещал интимные комитетские обеды. Упоминаемые в письме члены: Николай Таганцев и Василий Сергеевич — профессора-юристы; Пыпин и Морозов — профессора-литературоведы; Мордочев и Гаршин — беллетристы; Плещеев — поэт; Гайдебуров — редактор «Недели»; Константин Арсеньев и Евгений Утин — публицисты и критики «Вестника Европы»; Кобеко — историк и библиограф, будущий директор Публичной Библиотеки.

К ПИСЬМУ № 28

Два студента Московского университета — юрист Михаил Александрович Островский, сын драматурга, и филолог Николай Николаевич Луженковский, автор письма, — переделали для народного издания сказку Щедрина «Пропада советъ», при чем не указали источника переделки из боязни цензуры. Цензор, повидимому известный реакционный философ и беллетрист Константин Леонтьев, не заметил обмана и только вырезал из

книжки один из эпизодов: «Совість у городничего». Луженовский послал Салтыкову книжку и вырезанную часть рукописи одновременно с этим письмом. Приводим текст посланной рукописи.

ПРОПАЛА СОВЕСТЬ

IV. Собрался Петр Сидорыч [городничий] по утру из дому, на крыльцо вышел: неловко ему что-то нынче, ничего худого кажется нету: и сам здоров, и жена и дети здоровы, и по дому все как следует благополучно, а все как будто что-то не в порядке.

Невдомек ему сразу, что это оттого, что у него опять совесть завелась. (А совесть-то у него в шубе, в кармане лежала). Смотрит он: у его крыльца мужиков кучка стоит, пришли у его милости просить, отпустил бы скорей. За двадцать верст из деревень стариков согнали, а толку нет: понятыми вишь по нужному делу...

Четвертый раз мужики приходят, все допросу не дожидются.

Зазудело было у Петра Сидорыча по-старому пугануть их да гаркнуть — «я вам дам, черти, меня беспокоить, я вас проучу, погодите!», — да не выходит [у него. Хочу, говорит, строгость свою показать не могу.]. Гаркнуть хочет — рот не раскрывается. И вдруг повернулся этак к ним [тихим манером] ласково и говорит: «Погодите, говорит, меня, православные, — сейчас времени нету: на базар сходить надо, порядки дать; вот я вернусь, так может мы с вами в согласие взойдем».

Говорит так-то городничий [квартальный надзиратель], а сам все еще не разумеет, что совесть его так говорить научила: Долго стояли мужики, городничему [квартальному] в спину смотрели (и даже) диву давались: что это с его благородием сотворилось?

Ходит Петр Сидорыч по базару, промежду возов погуливает, на все стороны поглядывает. Подойдет к возу, спросит: «— Это ты, Мируныч, что продаешь?» — «Репу-с, ваше благородие — да вот курей, значит, порешили, потому подушное-с...» — «Торгуй, торгуй, братец, — скажет, — это хорошо». — «Да уж бери, барин», — скажет мужик. — «Что ты, зачем мне? У меня своего много». Так-то и к другому, и к третьему возу подойдет: хочется Петру Сидорычу попржежнему везде [всюду] руку свою запустить, и зудит у него рука, зудит, а не опускается. Стали уж мужички посмеиваться: невдомек им, что с его благородием-то совесть, может статься, вместе по лавкам ходит. «Тебе я, говорит, никак 20 рублей должен, а тебе никак все 50. Ты приходи, говорит, ко мне завтра: разонтусь». — «Ничего-с, — ему лавочники говорят, — мы подождем, не извольте беспокоиться; всегда готовы служить... Мы даже и безденежно, коли-что?...» — «И ни-ни, — говорит Петр Сидорыч, — с чего это я у вас задаром брать стану: вам чай тоже не с неба валится, торгом берете. Возьмем, к примеру, мужик; может он барана-то эва за сколько верст пригнал? Так и вы его, значит, мужичка пожалейте». Удивляются все на Петра Сидорыча, дивятся и сам он на себя: откуда это у него такое суждение и поступки взялись? Да где ему уразуметь это: больно крепко он совесть забыл. Встретил он тут еще мужиков знакомых. Много он прошлую зиму им насолил. Дрова они по зимам в город [это село] на фабрику возили; мужики были беднеющие, лошаденки плохонькие. И велел он им тогда с каждого воза четверть к нему на двор складывать. А на фабрике прикащик, понятное дело, с них за то штраф да гривенник: всяк свою выгоду наблюдает. И говорит теперь мужичкам Петр Сидорыч: «Много я вас, голубчики, допреч этого обижал, идите, говорит, родные, ко мне, я вас покормлю, да по стаканчику водочки поднесу».

[Потому зазор меня взял]. И пошел с такими словами домой, а за ним и мужики. Подходит к дому. Кланяются ему в пояс те мужики, что раньше пришли. «Хорошо, голубчики, — говорит им Петр Сидорыч, — ступайте себе по домам, больше вам тревожки не будет». Подивились мужики на городничего [квартального]. Всплеснула руками жена его, как увидела, что муж без ничего домой воротился, да еще ораву целую голоштанников привел: «Ах ты, урод нумтый! — на мужа закричала, — чем бы в дом нести, а ты еще тут благоприятелей привел... А вы чего? вон, darmoeды проклятые». Прогнала мужиков. Опять на мужа накинулась. «Ты, говорит, что это себе в голову взял, дурак этакой, что мы сегодня обедать-то будем? А?»

И ничего-то ей муж не ответил, кротко таково на нее посматривает. Сдернула жена с него шубу, толкнула в горницу: «Проспись, пьяница, поди: чего с тобой долго разговаривать-то?»

Стала она после того мужнину шубу обшаривать, не захватил ли авось чего [мужнек] на базаре-то. Да как нашла совесть в кармане, тут сразу и понял все это дело. Недолго думая, схватила она ее бережно, двумя пальцами да за окно и бросила.

«Ну, Сидорыч, поворачивайся, собирайся на базар-то», говорит она опосля того мужу. Мигом встал Сидорыч ровно встрепанный, а либо с похмелья проснулся да так-то живо, с легким сердцем и пошел на базар.

И пошло у него все по-старому.

V. Попала совесть потом к пузатому купцу-миroeду. Как громом ударило Антона Кузьмича: ажно всем телом затрещя, как признал он эту самую совесть, которую он спервоначалу [было] за три гроша продал, на которую всегда плевал и надсмехался.

Показалось ему тут, что уже [его] черти в ад тащат, и жутко стало мироеду, и вспомнились ему все неправды его: как он в старостах своего села ходил, как мирскую копеечку под ногтем зажимал; как потом в соседнем селе у мужика-пропойцы за долги двор оттягал, да в [нем] том дворе [кабак поставил].

К ПИСЬМАМ №№ 29—31

Письма являются откликами «читателей-друзей» на очерк Щедрина «Имярек», помещенный в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1887 г. Отсюда и приблизительная датировка писем.

К ПИСЬМУ № 33

Приведенная в письме цитата взята из очерка Щедрина «Читатель», напечатанного в № 122 «Русских Ведомостей» от 6 мая 1887 г. Отсюда и дата письма.

К ПИСЬМУ № 34

Письмо очевидно представляет собой запоздалый (в виду отдаленности корреспондента) отклик на очерки 1887 г. «Имярек» и «Читатель» (см. предыдущие примечания).

К ПИСЬМУ № 37

Составители альбома очевидно не знали о самых ранних выступлениях Салтыкова в печати как поэта (в «Библиотеке для чтения» 1841 г.) и считали началом его литературной деятельности помещение повести «Противоречия» в ноябрьской книжке «Отечественных Записок» за 1847 г. Посланный альбом не сохранился.

К ПИСЬМУ № 38

Письмо написано на телеграфном бланке, который послан был по почте: все подписи автографичны. Дата документа определяется временем председательствования в Комитете фонда Василия Ивановича Сергеевича (со 2 февраля 1888 г. по 2 февраля 1889 г.); при нем К. К. Арсеньев был товарищем председателя, Я. Г. Гуревич — казначеем, П. О. Морозов — секретарем, а Н. А. Гайдебуров, Н. К. Михайловский, В. Ю. Скалон и Е. И. Утин — членами комитета; остальные подписавшиеся в это время были «бывшими» членами комитета.

К ПИСЬМУ № 39

Статья в «Русской Мысли» 1888 г., март, стр. 175 «Внутреннее обозрение» — по поводу 40-летия литературной деятельности М. Е. Салтыкова — считает юбилейную дату со времени помещения повести Салтыкова «Запутанное дело» в мартовской книжке «Отечественных Записок» за 1848 г.

К ПИСЬМУ № 43

Адрес сохранился в ИРЛИ, в бумагах редактора «Русской Старины» М. И. Семевского. К нему он попал в 1889 г. от бывшего студента Дерптского университета М. М. Лишцына, как это явствует из сопроводительного письма последнего при посылке документа в редакцию журнала. Приводим текст письма:

Милостивый Государь,
Г. Редактор.

Не найдете ли Вы полезным и возможным поместить на страницах Вашего уважаемого журнала нижеследующее сообщение.

«Весной, или в начале лета 1888 г., спустя немного времени после исполнившегося дня сорокалетнего юбилея литературной деятельности незабвенного и великого сатирика русского Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, русская часть дерптского студенчества (разумея под словом «русская» всех студентов, воспитавшихся на произведениях русской литературы и относившихся небезучастно к судьбам ее) была сильно озабочена вопросом, чем и как выразить свое уважение в сочувствие великому писателю в день его юбилея. Пользуясь правом собрания в дозволенных начальством обществах, студенты несколько раз собирались на общие совещания по этому поводу, судили-рядили и пришли наконец к заключению — послать Михаилу Евграфовичу адрес, в выражениях по возможности близко характеризующих чувства и взгляды студентов-подносителей на юбилея. Было предложено по этому случаю составить проекты такого рода адресов и пред-

ставить на обсуждение следующей студенческой сходки. Через несколько дней три или четыре таких проекта было представлено на собрание, но ни один из них не удовлетворил слушателей. Тогда некоторая часть товарищей обратилась ко мне с предложением написать также проект адреса. Я написал, и мой проект, после маленьких поправок, был удостоен одобрения товарищей и, пройдя через обсуждение на частной и общей сходках студентов (считаю необходимым заметить, что студенчество считало почему-то, что начальство воспротивится поднесению адреса, а потому все дело велось негласно), был подписан и послан с одним частным лицом в Петербург, в Редакцию журнала «Вестник Европы» для передачи Михаилу Евграфовичу Салтыкову. Но засим мы, потеряв из виду лицо, отвозившее адрес в Петербург, не имели никаких известий о нашем адресе и нам крайне было бы желательно знать дошел ли наш адрес по назначению?

Быть может читателям Вашего почтенного журнала не безинтересно будет знать содержание этого адреса студентов к великому сатирику, почему и решаюсь привести его здесь». Далее следует текст документа.

Письмо М. Лисицына и посланный им адрес в «Русской Старине» напечатаны не были.

К ПИСЬМУ № 41

Датируется приблизительно, по упоминанию о 40-летней литературной деятельности Щедрина.

К ПИСЬМУ № 48

Быть может радственница А. Х. Христофорова, соредактора Н. А. Белоголового и В. А. Зайцева по журналу «Общее дело».

Внизу телеграммы приписка карандашом: «Дал ей надлежащий ответ. М. Стасюлевич».